

СВЕРХДЕРЖАВА

ВЛАДИМИР ИСАКОВ

**ХРОНИКА
КРУПНЕЙШЕЙ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
КАТАСТРОФЫ
XX ВЕКА**

**КТО И КАК
РАЗВАЛИЛ**

СССР

Владимир Борисович Исаков
Кто и как развалил СССР.
Хроника крупнейшей
геополитической
катастрофы XX века
Серия «Сверхдержава»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071573

*Кто и как развалил СССР. Хроника крупнейшей геополитической катастрофы XX века/ Владимир Исаков: Книжный Мир; Москва; 2012
ISBN 978-5-8041-0508-3*

Аннотация

В этой книге рассказано о цепочке событий, которые привели к одной из величайших геополитических трагедий XX века – распаду СССР.

В ней вы не найдете эффектных эпизодов – погонь, стрельбы, трюков, обворожительных красавиц и мужественных суперагентов. Все происходило, на первый взгляд, обыденно: собрались, обсудили, не договорились. Собрались, проголосовали, нарушили Конституцию. И, так далее... А в результате – катастрофа. Страна разломилась по забытым,

казалось бы, границам. Миллионы людей оказались за рубежами, стали изгоями – лицами без гражданства, иностранцами – в своей собственной стране.

О чем думали политики, в руках которых в те годы находились судьбы страны? Переживали за будущее? Думали об ответственности перед законами и совестью? Просчитывали возможные экономические и политические последствия своих действий? Да ничего подобного! Распад Советского Союза явился побочным результатом азартной игры, где ставками были власть, собственность, президентские и правительственные посты и привилегии.

В любой игре не бывает без проигравших: в данном случае в дураках остался народ, который шел за своими правителями и слепо верил им.

Ну а как же «рука Запада»? Козни и интриги врагов России? Были? Были! Чего-чего, а врагов у России хватало всегда. О них тогда писали в газетах, говорили на открытых и закрытых совещаниях в Кремле. Однако власть, имевшая одну из самых мощных армий и спецслужб в мире, становилась удивительно беспомощной и слабой, когда речь заходила о сохранении единства собственной страны.

Содержание

Предисловие ко второму изданию	5
От автора	7
Хроника	9
Ново-Огарево, 23 июля 1991 года	9
Москва, Кремль, 2 сентября 1991 года	20
Москва, Кремль, 4 ноября 1991 года	43
Ново-Огарево, 14 ноября 1991 года	54
Москва, Кремль...	70
Москва, ноябрь 1991 года	82
Ново-Огарево, 25 ноября 1991 года	90
Украина, 1991 год	111
Киев, 5 декабря 1991 года	132
Москва, 4–7 декабря 1991 года	145
Беловежская пуща, 8 декабря 1991 года	152
Москва, 8 декабря 1991 года	168
Москва, 9 декабря 1991 года	172
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Владимир Исаков

Кто и как развалил СССР.

Хроника крупнейшей геополитической катастрофы XX века

Предисловие ко второму изданию

Двадцать лет, прошедших после событий в Беловежской пуще, развеяли иллюзии и ожидания, если они у кого-то и были. Развал СССР повлек разрушение экономик, падение жизненного уровня, жестокие мучения, страдания и гибель миллионов людей. Новообразованные на обломках Союза «суверенные государства» стремительно покатались вниз – сдали мировые позиции в экономике, политике, обороне, науке, культуре... Фактически – заплатили всем своим суверенитетом – за что? За независимость от Союза ССР?

Год за годом бывшие союзные республики отдаляются друг от друга. Каждый, в ком есть хоть капля совести, должен признать, что от распада Союза ССР выиграла лишь бюрократическая верхушка, которая стремилась к бесконтроль-

ности, благам президентской власти, восторгам и почестям государственного суверенитета – и все это в избытке получила. Народ в целом – полностью и безоговорочно проиграл.

Кто и зачем это сделал? Как такое могло случиться? Какая сила смогла повергнуть в прах мощную державу буквально в считанные недели и месяцы? Как такое могли допустить? Кто и как осуществил этот немыслимый переворот? И не является ли распад СССР «торжественной прелюдией» следующей фазы распада – уже Российской Федерации?

Существуют разные ответы на эти вопросы. Жгучая потребность высказаться о причинах и механизме развала СССР заставила автора накануне пятой годовщины «Бело-вежской пуши» сесть за компьютер и подготовить серию статей – они вышли в ноябре-декабре 1996 года в газете «Советская Россия» под общим заголовком «Иудин торг». На их основе была написана книга «Расчлененка», вышедшая первым изданием в 1998 году.

Первая часть книги – хроника событий, приведших к развалу СССР, представленная автором на основе свидетельств, воспоминаний очевидцев и собственных впечатлений, вторая часть книги – документы. Вглядитесь в эти свидетельства. Собранные вместе, они отражают ужасающие эгоизм, безответственность и бездумие, с которыми «сильные мира сего», вознесенные к власти, играют судьбами своих народов.

Владимир Исаков, 2011 год

От автора

Последние дни и недели существования Советского Союза вызывают и всегда будут вызывать неподдельный интерес. Почему это случилось? Что произошло в тот период? Кто виноват в распаде? Каков его непосредственный механизм? Почему великая держава, вызывавшая страх, трепет и уважение во всем мире, рухнула в считанные дни?

В катастрофах национального масштаба с неизбежностью участвует множество персонажей – политиков, дипломатов, депутатов, журналистов, военных. События, предшествовавшие распаду, поражают несоответствием масштаба «героев» и уготованной им исторической роли, нелепым мельтешением лиц и масок, водевильной условностью ситуаций. Но всю глубину произошедшей трагедии нам еще предстоит измерить...

Хроника разрушения Союза ССР написана на основе опубликованных и частично – неопубликованных свидетельств и воспоминаний непосредственных участников событий (использованные источники указаны в конце Хроники). Особую признательность автор хотел бы выразить Андрею Серафимовичу Грачеву, бывшему пресс-секретарю Президента СССР, который позволил использовать его опубликованные материалы, хранящие бесценные свидетельства ушедшей эпохи, просмотрел рукопись и сделал ряд

полезных замечаний.

Хроника

Ново-Огарево, 23 июля 1991 года

Ново-Огарево – правительственная резиденция примерно в 35 километрах от Москвы. Изначально «Ново-Огаревым» называлась огромная старинная усадьба, расположенная в сосновом бору на высоком берегу Москвы-реки. Некогда часть ее принадлежала крупному российскому промышленнику и имела несколько великолепных строений. В глубине усадьбы расположен особняк старой каменной постройки в готическом стиле. После революции здесь жили руководители партии и государства, когда-то это была дача Ворошилова, затем – Хрущева, Черненко. В последние годы ее использовал М. Горбачев для «неофициальных» встреч с Р. Рейганом и другими руководителями Запада.

Ближе к Успенскому шоссе размещается двухэтажный дом приемов всего с одним кабинетом и спальней, но несколькими обеденными залами. На крытых и утепленных верандах дома приемов стоят огромные столы, за которыми можно разместить 70–80 гостей.

Почему выбор пал именно на Ново-Огарево? Добираться туда неудобно, глав республик приходилось привозить и увозить на автобусах. Но были и несомненные преиму-

щества. Ново-Огарево, по замыслу организаторов, должно было стать символом «нового мышления», демократического подхода к формированию нового сообщества на осколки прежней империи, «российским Кемп-Дэвидом». Во-вторых, дом приемов хотя и не был совсем удобен для заседаний, но располагал всем необходимым для их обеспечения, включая хорошую кухню. Многие наиболее сложные вопросы находили продвижение за обеденным столом. Наконец, что тоже немаловажно, Ново-Огарево располагалось недалеко от загородной резиденции Президента СССР, что позволяло ему быстро добираться туда и обратно.

Именно в Ново-Огареве была назначена очередная встреча руководителей субъектов Российской Федерации по проекту нового Союзного договора...

День был душный, время от времени припускал дождь. Начиная с половины второго зашуршали шины автомашин. Они подвозили в Ново-Огарево лидеров республик, которые на это совещание уже прибыли в новом качестве руководителей полномочных делегаций... Приехали также союзные руководители – Лукьянов, Лаптев, Нишанов, Павлов, Язов, Бессмертных, Щербаков.

Как обычно, на пять минут в зал допустили прессу, затем журналисты отправились коротать время в маленькую ново-огаревскую гостиницу, дожидаясь вечернего перерыва и традиционной уже ночной пресс-конференции Горбачева.

В повестке дня совещания – пять вопросов, по которым

были замечания и предложения республик: членство в Союзе, союзный бюджет и налоги, собственность, Верховный Совет, Конституционный Суд...

М. Горбачев (открывает заседание): – Я вижу, у нас появилась одна тенденция: вот мы говорим – и, вроде, договариваемся, а расходимся – и начинаем размышлять то, о чем уже договорились. Или же кто-то не высказывается откровенно и до конца. Сейчас пришло время полной ясности, и я прошу всех занимать какую-то позицию и четко ее обозначать. Я прошу также пойти навстречу друг другу и позиции эти согласовать. Если мы не придем к согласию в отношении Договора, разрушится и то согласие, которое с таким трудом найдено.

Мы должны подтвердить свою приверженность Союзу Суверенных Государств как федерации. Попытки товарищей подогнать проект под, скажем так, дохлую федерацию, дорого обойдутся стране.

Разрабатывая этот Договор, нам надо иметь в виду прежде всего судьбу Российской Федерации. Ее судьба в значительной мере определяет будущее Союза. Поэтому я еще раз повторяю: не может быть двух стандартов. Прочная Российская Федерация – основа прочной Союзной федерации. Я вижу, как товарищи в России переживают, что получится с РСФСР, и как они все делают, чтобы эта федерация была живой, функционирующей, а власть реальной. Но я хочу, что-

бы и Россия четко и без оглядки поддерживала бы Союзную федерацию.

Я прошу все союзные республики дать возможность реализовать в Договоре то, что влечет суверенизацию бывших автономий. Но точно также автономии я прошу понять, что такое Российская Федерация. Нам нужно найти гармоничное решение.

Я не знаю, товарищи, до вас доходит или нет, но я уже чувствую опасные тенденции. Нам нужно быстрее завершить с Договором. Быстрее!..

Для беспокойства Горбачева, действительно, были серьезные основания. Обсуждение нового Союзного договора выявило клубок противоречий – не только между республиками и Центром, но и внутри республик – между краями, областями и автономными образованиями, между регионами и республиканским «центром». Наблюдая за агрессивными устремлениями республиканских лидеров, руководители автономий не без оснований опасались за свои права, статус и постоянно обращались к Горбачеву за защитой.

Д. Завгаев (Чечено-Ингушетия): – Мы говорим: максимум прав союзным республикам. Может быть, это и правильно. Нужны сильные республики. Но нам прежде всего нужен сильный Союз, федеративное государство. Мы идем к рынку, намереваемся вписаться в мировой хозяйственный комплекс. Как же мы будем вписываться с аморфным союз-

ным государством, которое сильные республики раскачивают, как хотят?

Теперь в отношении Российской Федерации. Двумя руками мы все «за». Мы – убежденные россияне и никогда не допустим развала Российской Федерации. Но надо, чтобы она была действительно федерацией, а не такой, как задумано в проекте так называемого Федеративного договора, подготовленного в парламенте России. Там говорится о разделении полномочий, но и речи нет о федерации.

М. Николаев (Якутия): – Бывшие автономные республики безо всякой подсказки высказались за сохранение Российского государства еще год назад. И мне непонятно, почему Вы, Михаил Сергеевич, за два-три последних заседания постоянно напоминаете об этом. Российская Федерация была, есть и будет. Но вот, как регулируются отношения между государствами, одно из которых входит в состав другого? В проекте записано: «...регулируются договорами между ними и Конституцией государства, в которое оно входит.» Вторая часть здесь имеет двойной смысл – какого «государства»? Я, например, трактую, что – Союза. В этом случае мы согласны.

Каким документом будет определяться и регулироваться будущая Федерация? Вопрос далеко не второстепенный. Если Конституцией СССР – значит контрольный пакет полно-

мочий в руках у союзного центра. Он разрабатывает и принимает новую Конституцию. Если конституциями республик – хозяевами положения становятся республиканские лидеры. Если договорами и соглашениями – предстоит тяжелая борьба за «свой кусок» власти. И начинается торг...

Первый тур дискуссии заканчивается безрезультатно. Второй тур открывает вновь Горбачев:

– Я вижу у некоторых товарищей аллергия на Союз, но не надо ее так уж выплескивать. Речь идет о документе, который должен стать базой обновленной федерации. Поэтому не стоит тут демонстрировать пренебрежение к союзной Конституции. Конституция после договора будет обязательно, потому что все, кого представляют здесь присутствующие, кроме Армении, высказались за федерацию. Поэтому мы должны реализовывать ее в четких формулах. И не тянуть в сторону, противоположную волеизъявлению народа.

Вы знаете, что я сторонник резкого ухода от унитаризма, чтобы был кислород для свободы. Но это не значит, что надо впадать в другую крайность. И так нынешний проект поносят за то, что он разваливает страну. Но мне кажется, проект как раз отличается тем, что найдена предельная степень свободы, дальше которой распад. Поэтому пренебрежение к Конституции СССР недопустимо!..

И. Плющ (Украина): – И к конституциям республик – тоже! Потому что конституция – документ, признающий международным сообществом, это носитель международно-

го права, а договоры и соглашения международными не признаются... (Общее недоумение).

Б. Ельцин (Россия): — Компромисс: Конституцией государства, в которое оно входит, и Конституцией СССР...

М. Рахимов (Башкирия): — Так, Михаил Сергеевич, мы сегодня ни один вопрос не решим. Многие из здесь сидящих действительно хотят развалить Союз. Почему мы уважаем действительно выстраданные декларации о суверенитете, принятые в союзных республиках, но декларациям, принятым в бывших автономиях, отказывают в уважении? Зачем мы тогда собираемся? Зачем в кошки-мышки играем? Пусть тогда «девятка» остается здесь и решает свои вопросы. Тем более, что кое-кто считает унизительным сидеть с нами за одним столом. Особенно, когда это проявляется со стороны делегации...

М. Горбачев нетерпеливо прерывает (явно удовлетворенный своей «миротворческой миссией» в схватке между Рахимовым и Ельциным): — Не надо, не надо в таких тонах, товарищ Рахимов. Реформирование Союза — дело крайне сложное. Было у нас унитарное государство, а мы хотим создать такое, что не разберешься: кто с кем будет иметь дело, кто кому подчиняется... (многозначительная пауза и взгляд на Ельцина)... и так далее. Личностные моменты, чьи-то амбиции могут выиграть. Это недопустимо, ведь речь идет о судьбе государства...

Да уж, чего-чего, а личных амбиций у участников встречи

хватает. И говорить они умеют. Дальнейший разговор превращается в свободный поток сознания: будущие поколения, отечество, двойной стандарт, совещание экспертов в Женеве, бунт на корабле...

В. Ардзинба (Абхазия): – Пожалуйста, давайте продвигаться вперед! Примите одну из формул, которая вас больше устраивает, и пойдем дальше. Я обращаюсь с большой просьбой. Любой вариант. Сколько их предлагали – ни один не подходит. Так не бывает, поймите...

Н. Назарбаев (Казахстан): – Мы прошлый раз обсудили проект. И повезли его на парламенты республик. Парламенты вынесли свои постановления. А сейчас мы друг другу выламываем руки. Как я могу изменить решение Верховного Совета? В конце концов, если Россия и другие республики, где есть автономии, согласны, можно было бы принять предложение: «...Регулируются договорами или соглашениями и Конституцией СССР».

М. Горбачев (которому явно понравилось это предложение, произносит мягко, стараясь не спугнуть): – Это Ваш Союз. Как запишете...

Н. Назарбаев (не заметив сигнала, увлеченно продолжает):

– Но одно государство входит в другое, и то, другое – в Союз. Тогда мы должны и в отношении Союза записать точно так же. Давайте логически доведем мысль до конца. Раз

соглашениями, то давайте и с Союзом – соглашениями. И точка, больше ничего... (Разочарованный вздох Горбачева).

Горбачев явно разочарован конечным выводом Назарбаева. Хотя страсти удалось успокоить, дело приходится начинать сначала.

Слово берет *И. Каримов* (Узбекистан): – Мы сейчас, Михаил Сергеевич, ищем компромисс. Но давайте тогда посмотрим на проблему с двух сторон. Можно как угодно здесь записать, но давайте определимся. Есть республики, в которые входят, и есть республики входящие. То есть вбирающие и входящие республики, извините за выражение, чтобы опять никто не оскорбился. Эти два понятия существуют, куда уйдешь от реальности? Но давайте признаем тогда приоритет республики, что вбирает в себя другую... (Рахимову) Я прошу товарища Рахимова не возбуждаться. Мы с товарищем Назарбаевым Вас особенно уважаем, имейте в виду. У нас с Вами дружеские отношения и не надо оскорбляться... Что такое Договор? Это делегирование полномочий Союзу. И Российская Федерация, заключая Договор, нисколько себя не ослабляет. То же самое и для бывших автономий. Поэтому настоятельно прошу Вас или остановиться на «договорах и соглашениях» или – против себя иду! – «договоры и соглашения плюс Конституция СССР»!

Возгласы: – Правильно! Правильно! Принимаем!

Н. Назарбаев (задумчиво повторяет вслед за Каримовым): – Соглашениями и Конституцией СССР...

В надежде сохранить упоминание о «Конституции СССР» Горбачев объявляет перерыв на 10 минут...

Становится понятным, откуда в Договоре о ССГ, предназначенном к подписанию, появилась странная формулировка: «Отношения между государствами, одно из которых входит в состав другого, регулируются... в РСФСР – федеративным или иным договором, Конституцией СССР.» А где же Конституция РСФСР, на основе которой Ельцин был избран президентом, куда она делась?

Абсурдная формулировка проекта договора, исключавшая из правовой системы Конституцию «суверенной России», вызвала недоумение депутатов. Посыпались возмущенные статьи и выступления. Стало ясно, что в случае вынесения договора на Верховный Совет или на съезд народных депутатов, он не будет ратифицирован. Поэтому Ельцин и Хасбулатов сделали все, чтобы обойти депутатов и поставить их перед фактом: можете возмущаться сколько угодно, но договор уже подписан.

Подписание Договора о ССГ было назначено на 20 августа, когда Верховный Совет РСФСР находился на каникулах. Именно это подписание и было сорвано в результате ГКЧП...

Была у Ельцина еще одна заветная цель, которую он не

объявлял, но обсуждал в узком кругу доверенных лиц: подписание договора, в котором не было упоминания о Конституции РСФСР, давало ему формальный повод распустить съезд и Верховный Совет РСФСР и назначить новые выборы. Народные депутаты РСФСР, приведшие Ельцина к власти, бывшие свидетелями и участниками его возвышения и на этом основании докучавшие ему многочисленными обращениями и просьбами, на которые приходилось отвечать, к тому времени стали Ельцину в тягость. Ему хотелось открыть совершенно новую, чистую страницу...

Москва, Кремль, 2 сентября 1991 года

Ясный солнечный день, первый день занятий в школах после каникул. Дети бегут с цветами, радостные, оживленные. Во Дворце съездов в Кремле в этот день открылся 5 чрезвычайный съезд народных депутатов Союза ССР. Последний съезд...

...В нарушение регламента съезда, без утверждения повестки дня, слово предоставляется Н. Назарбаеву, который оглашает «согласованное заявление» руководителей республик.

Н. Назарбаев: – В результате государственного переворота, совершенного 19–21 августа 1991 сего года был сорван процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, что поставило страну на грань катастрофы.

Сложившаяся в стране после путча ситуация, если она выйдет из под контроля, может привести к непредсказуемым последствиям внутри страны и в отношениях с зарубежными государствами.

Мы констатируем, что срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакционным силам и по всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны.

В этих условиях законно избранные высшие руководители страны в лице Президента СССР, президентов и председателей Верховных Советов республик в целях недопущения дальнейшего распада структур власти и до создания новой политической, государственной системы отношений между республиками, формирования межреспубликанских (союзных) структур власти на переходный период (до принятия новой Конституции и проведения на ее основе выборов новых органов власти) согласились с необходимостью:

1. Подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе Суверенных Государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить форму своего участия в Союзе.

2. Обратиться ко всем республикам, независимо от декларируемого ими статуса, с предложением безотлагательно заключить Экономический Союз с целью взаимодействия в рамках единого свободного экономического пространства и для нормального функционирования народного хозяйства, жизнеобеспечения населения, ускоренного проведения радикальных экономических реформ.

3. В условиях переходного периода создать:

- Совет представителей народных депутатов по принципу равного представительства от союзных республик по 20 депутатов из числа народных депутатов СССР и республик, делегированных их Верховными Советами, для решения общих принципиальных вопросов;

– Государственный Совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц республик для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик;

– для координации управления народным хозяйством и согласованного проведения экономических реформ создать временно Межреспубликанский экономический комитет с представителями всех республик на паритетных началах.

Проект Конституции после его подготовки должен быть рассмотрен и утвержден парламентами союзных республик, а окончательное принятие осуществлено на Съезде полномочных представителей союзных республик.

Подтвердить сохранение статуса народных депутатов СССР за всеми избранными депутатами на весь срок, на который они были избраны.

В связи с этим мы обращаемся к Съезду с просьбой временно приостановить действие соответствующих статей Конституции СССР.

4. Заключить Соглашение на принципах коллективной безопасности в области обороны в целях сохранения единых Вооруженных Сил и военно-стратегического пространства, проведения радикальных реформ в Вооруженных Силах, КГБ, МВД и Прокуратуре СССР с учетом суверенитета республик.

5. Подтвердить строгое соблюдение всех международных соглашений и обязательств, принятых на себя СССР, вклю-

чая вопросы сокращения и контроля над вооружениями, внешнеэкономические обязательства.

6. Принять Декларацию, гарантирующую права и свободы граждан вне зависимости от их национальности, места проживания, партийной принадлежности и политических взглядов, а также права национальных меньшинств.

7. Просить Съезд народных депутатов СССР поддержать Обращение союзных республик в ООН о признании их субъектами международного права и рассмотрении вопроса об их членстве в этой организации.

В связи с безотлагательностью проведения указанных мер, диктуемых сложившейся ситуацией, мы обращаемся к Съезду срочно принять решение по предложенным вопросам.

Заявление подписали: Президент Союза ССР и высшие руководители РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Армении и Туркмении. Представитель Грузии участвовал в работе...

Зал замер: фактическая ликвидация Союза, его органов. В перспективе – туманная возможность создания нового Союза... Никому не давая слова, И. Лаптев распустил Съезд для обсуждения документа по делегациям.

Опомнившись, депутаты заговорили, бросились к микрофонам. Опустевшую трибуну занимает В. Алкснис, пытается обратиться к залу, но микрофоны отключены. Члены прези-

диума за его спиной поспешно покидают зал...

Б. Ельцин (воспоминания): – Ночью накануне очередного съезда народных депутатов СССР руководители союзных республик собрались в Кремле, чтобы выработать тактику поведения перед съездовским форумом. Задолго до этого у большинства руководителей сложилось однозначное мнение – со съездом нужно заканчивать, этот государственный орган власти изжил себя, остался в прошлом...

Было подготовлено совместное заявление глав десяти республик, в котором съезду предлагалось сформировать межреспубликанские структуры власти на переходный период до принятия новой Конституции СССР. На этом съезд должен был успешно закончить свое существование. В случае принятия этого предложения приостанавливалось действие ряда важнейших статей Конституции СССР, и власть передавалась Совету глав государств, в который входили Президент СССР и лидеры союзных республик.

Горбачев все время шел на компромиссы, не обращал внимания на мелочи, держался согласованной позиции с главами республик. Он сильно изменился после августа. Объявляя о своем суверенитете, одна республика за другой резко меняли политический расклад в уже бывшем – это становилось определенно ясно для всех – Советском Союзе. В новой реальности Горбачеву оставалась только одна роль – объединителя разбежавшихся республик.

С заявлением перед народными депутатами СССР мы поручили выступить Нурсултану Назарбаеву. Нельзя сказать, что предложение Совета глав государств стало для участников съезда большой неожиданностью. Все примерно к такому сценарию и готовились. Но все же самые оголтелые бросились на защиту съезда. С трибуны бросались слова о «предательстве», «заговоре», «разворовывании страны» и прочее. Горбачев всегда с трудом сдерживался, если при нем говорили такие гадости, и когда его довели окончательно, он вышел на трибуну и пригрозил: если съезд сам не распустится, то можно его и разогнать...

2 сентября, 11 часов, Дом Советов РСФСР, Большой зал. В президиуме – Руцкой, Хасбулатов, Бурбулис. Руцкой еще раз прочитал и коротко прокомментировал заявление Назарбаева. Затем начинаются выступления.

А. Собчак: – Заявление предусматривает меры переходного характера. Сохранение существующих союзных структур – продолжение переворота. Попытки «господ алкснисов» избрать другого президента бессмысленны. Пусть парламент России решит, кто будет представлять республику в союзном Совете.

Р. Хасбулатов: – Заявление, которое прочитал Назарбаев, – официальная линия России.

С. Алексеев: – Низкий поклон депутатам Российской Федерации, которые восстали против путча и спасли демокра-

тию в стране. «Заявление» горячо поддерживаю. Это единственная возможность спасти Союз, расчистить дорогу для преобразований. Учитывая изменившиеся условия, может быть, и не надо Союзной Конституции. Достаточно Союзного договора и Декларации о правах человека. Предлагаю юристам найти достойное конституционное решение. Обращаюсь к народным депутатам Союза ССР с призывом спасти Родину.

Ю. Афанасьев: – Предлагаю одобрить в основном «заявление». Надо удержать достигнутое согласие. Мы не должны уйти со съезда, не приняв решения. Иначе – хаос.

С. Ципляев: – Обращаюсь к союзным депутатам: никуда мы не денемся от замены властных союзных структур на структуры координационные. Надо проявить мудрость и не стоять поперек пути. Уйти достойно.

Ю. Болдырев: – Не все мне нравится в этом «заявлении», режет ухо ультимативный тон. Но альтернативы нет. Придется передавать власть.

Р. Хасбулатов (явно желая подсластить пилюлю): – Мы готовы использовать часть народных депутатов СССР в наших комитетах и комиссиях и готовы принять по этому поводу соответствующее постановление.

С. Станкевич: – Союза нет и его не реанимировать. Фактически получился «нулевой вариант». Важно не упустить момент для «новой сборки» Союза. Надо содействовать этому процессу. Предлагаю принять «заявление» за основу, но

внести в него ряд поправок.

Ю. Скоков: – «Заявление» поддерживаю и призываю всех присоединиться.

П. Бунич: – Съезд не должен быть повторением сессии союзного Верховного Совета. Иначе это будет воспринято как демонстрация. Хватит трепаться. Примем решение и будем делать дело.

Е. Савинова: – Считаю, что до принятия новой союзной Конституции должна существовать прежняя Конституция и ее гарант – Верховный Совет СССР. Нас многократно предали, но мы существуем. Если мы хотим народу добра, мы должны сохранить Верховный Совет, который является его законным представителем. «Совет представителей» – нечто неопределенное и бесправное. Надо не сдаваться, а идти по пути созидания.

Г. Бурбулис: – Не волнуйтесь, мы найдем места для союзных депутатов.

В. Юдин: – Да поймите же, мы боремся не за статус, не за свою шкуру дрожим! Кто будет гарантировать законность в переходный период? Кто будет членом ООН? Стране грозит безвластие.

Р. Хасбулатов (с иронией): – Вот и дождались наконец откровенного выступления. Услышали все в концентрированном виде.

Г. Попов: – Вношу следующее предложение (зачитывает). Одобрить «заявление» и принять его за основу. Если съезд

не поддержит «заявление», народным депутатам СССР, избранным от Российской Федерации, покинуть съезд. Настоящее решение поручить огласить Собчаку.

Р. Хасбулатов: – Голосую первое предложение. Кто против? (Восемь). Воздержались? (Пятнадцать). «Заявление» одобряется и принимается за основу.

Второе предложение: покинуть съезд. Большинство. (Голоса не считались).

Третье предложение: выступление поручить Собчаку. Большинство «за». (Голоса не считались).

Совещание закрыто. Просим депутатов поддержать на съезде принятые решения...

14 часов, Кремлевский дворец съездов. Продолжение союзного чрезвычайного съезда. Заседание открывает И. Лаптев и ни кому не давая слова проголосовывает предложения по президиуму съезда, секретариату и группе контроля за электронной системой голосования. Стоящих у микрофонов депутатов не замечает. Передает слово М. Горбачеву.

М. Горбачев: – Продолжим работу Съезда. Демонстрации я воспринимать не буду. Слово буду давать только представителям республик.

С. Алексеев (от Комитета конституционного надзора): – Был нарушен регламент. Комитет конституционного надзора поддерживает Заявление. Другого пути у нас нет. После

путча у нас началась реальная революция, надо расчистить для нее путь. Я не подавал в отставку, я говорил, что готов подать в отставку (зал охнул). Комитет должен принять участие в доработке документов. Настал час истины, все мы в долгу перед Родиной. Депутаты должны принять мужественные и ответственные решения.

А. Собчак (от РСФСР): – На заседании делегации РСФСР было принято решение: поддержать Заявление, принять предложенные меры за основу, продолжить работу над созданием структур переходного периода (о втором пункте умолчал. – *Авт.*).

Ю. Щербак (от Украины): – Заявление в целом поддерживаем, хотя замечания Л. Кравчука учтены недостаточно. Поддерживаем экономическое соглашение. Возражаем против Конституции Союза – еще одна «конституционная надстройка» не нужна. Украина будет создавать свою денежно-финансовую систему, поэтому нужно поделить золото-валютные запасы. Надо оградить Горбачева от нападков и не допустить его снятия на этом съезде (не столько защита, сколько предупреждение Горбачеву. – *Авт.*).

С. Шушкевич (от Белоруссии): – Предложения Белоруссии перекликаются с позицией Украины. Заявление следует принять за основу. Надо признать на съезде декларации о независимости республик. Создавать новый орган нет необходимости, достаточно ротировать Верховный Совет.

В. Адылов (от Узбекистана): – Принять Заявление за ос-

нову, в дискуссии не вдаваться, закончить работу съезда за три дня.

Асанбаев (от Казахстана): – Поддерживаем Заявление в целом. Оно стабилизирует общество, создаст среду для радикальных преобразований. Обеспечить государственную протекцию вопросам жилья и товаров.

Э. Кафарова (от Азербайджана): – Принимаем текст Заявления за основу. В пункт 1 надо внести положение о неизблемости границ.

Т. Буачидзе (от Грузии): – Поддерживаем Заявление при условии, что будет учтено Обращение Верховного Совета Грузии к съезду (зачитывает). Просим включить признание независимости Грузии в повестку дня съезда. Поддерживаем в этом вопросе прибалтийские республики и «братскую» Молдавию.

Шеримкулов (от Кыргызстана): – Осуждаю спонтанное, несогласованное изменение порядка работы Съезда. Заявление обсудили и считаем, что, несмотря на серьезные недостатки, оно может быть положено в основу для обсуждения. Мы признали независимость прибалтийских государств, просим признать нашу независимость. Необходимы всенародные выборы Президента СССР. Экономический союз необходим. Госсовет должен иметь реальные полномочия.

С. Негматуллоев (от Таджикистана): – Заявление поддерживаем, это единственный путь стабилизации.

Л. Тер-Петросян (от Армении): — Заявление снимает тревогу о реанимации старых структур союзной власти. Сделан первый шаг к свободному союзу равноправных государств. Союзная Конституция и союзные законы не нужны. В Заявлении не гарантированы права автономных образований, которые должны иметь право поднять свой статус до уровня республик (намек на Карабах. — Авт.).

К. Оразов (от Туркмении): — Заявление поддерживаем.

И. Хадыркэ (от Молдовы): — Готовы рассматривать Заявление как основу для обсуждения. 27 августа Молдова провозглашена суверенным, независимым и демократическим государством. Предлагаем включить вопрос о признании независимости Молдовы в повестку дня Съезда.

М. Горбачев: — Представитель Эстонии выступить отказался.

Я. Петерс (от Латвии): — От имени независимого государства Латвийской Республики, склоняю голову перед народом России, спасшим мир, демократию и будущее наших детей. Вручаю Обращение к президенту Горбачеву с предложением немедленно издать президентский указ о признании государственной независимости Латвии.

М. Горбачев: — Можно констатировать, что есть согласие относительно общей оценки Заявления. Тем самым фактически мы обсудили вопрос о повестке дня. (Вот это финт! — Авт.). Кто за то, чтобы утвердить повестку дня, которую сформулировал от нашего имени товарищ Назарбаев? Во-

прос ставится на поименное голосование.

(На табло: 1350 – за, 107 – против. Решение принято.)

Горбачев (продолжает): – Представители некоторых республик ставили вопрос о признании деклараций независимости. Одни республики определились, другие еще нет, им нужно время. Мы здесь в президиуме советуемся, а пока голосовать ничего не будем. (Явно уходит от вопроса. Зал это понял, зашумел).

Ставлю вопрос о том, чтобы провести Съезд в три дня. Голосуем.

(1337 – за, 239 – против. Решение принято.)

16 часов. После перерыва Съезд продолжился под председательством Б. Ельцина в той же жесткой манере. В сценографии чувствуется опытная рука – та же, что готовила и сценировала российские съезды. Тем не менее, обсуждение продолжается.

Н. Травкин: – Моя партия – за Союз, но новый Союз. Мы придем к мощному центру, но с ограниченными функциями. (Аплодисменты, смех). Верховный Совет СССР должен самораспуститься, контроль должны осуществлять верховные советы республик. Создать прообраз законодательной власти в Союзе, значит вновь допустить к власти аппарат.

А. Ридигер (Алексий II): – Перелистывается еще одна страница летописи, рушится 74-летняя конструкция. Этот дом строился на зыбком песке. Хотя существующая модель Союза дискредитировала себя, ее отрицание не должно вести к отрицанию человеческой общности. Неужели мы еще раз должны претерпеть голод и братоубийственные раздоры, чтобы убедиться в этом? Надо активнее вести поиски внутренней опоры. Разрушение Союза – опасно... Надо как можно скорее подписать новый Союзный договор.

С. Шушкевич: – Отвергаю обвинение, что руководство нашей республики поддержало августовский переворот. Мы признательны Борису Николаевичу Ельцину за его мужество, но нельзя допускать оскорбительных заявлений, которые вызывают в Белоруссии напряженность. Решение Белорусского парламента о суверенитете не закрывают путь к Союзному договору, но это может быть только союз равных. В качестве суверенного государства Белоруссия признала независимость Прибалтийских государств.

В. Самарин: – 21 августа – день победы демократии. Какое имя народ даст этому дню? Прозвучал необоснованный отказ от единого правового пространства. Вместе с этим утрачивают силу и принятые нами демократические законы. Кто будет защищать права людей, находящихся за пределами своих национальных образований? Сегодня – последний шанс что-то сделать для своего народа. Подумайте о системе органов власти: Советы заменяются административным

управлением. Куда мы поворачиваем? Съезд, который послушно принимал законы, а теперь одобряет распад Союза, должен уйти со сцены.

(Обращаясь к Горбачеву). Михаил Сергеевич, Вы получили Нобелевскую премию мира. Правильное ли это решение? Уходя, надо что-то создавать взамен.

Шеримкулов: – Против Заявления трудно что-то возразить. Оно дает хорошую основу для дальнейшей работы.

А. Оболенский: – Группа руководителей республик, используя ряд положений из проекта постановления Верховного Совета, даже не упомянула о нем. Зато предложено создать два неконституционных органа. Два председателя палат Верховного Совета предали возглавляемый ими орган, а Назарбаев выполнил роль матроса Железняка, огласив «коллективное заявление».

Хватит относиться к Конституции как к публичной девке, приспособливая ее для своих целей! Все гражданские войны начинались с насилия над законными органами власти. 17 марта народ проголосовал за Союз, мы должны выполнить его волю! 19 августа народ встал на площадях, взявшись за руки. Сегодня должны встать мы. Надо переизбрать Горбачева и назначить прямые выборы президента СССР. (Глас вопиющего в пустыне. – *Авт.*).

Ю. Блохин: – Неконтролируемый распад государства может обернуться великим горем. Мы готовы к диалогу с любыми группами, если итогом будет сохранение Союза.

Нужен не Госсовет, а правительство народного единства. На переходный период должно быть признано верховенство союзных законов.

Отброшена презумпция невиновности. Запрет КПСС создал опаснейший прецедент коллективной вины.

М. Минасбежан: – Путч состоял из двух частей, видимой и невидимой – саботажа, который может длиться годами. Демократам необходимо сплотиться. Некоторые ничего не сделали, но кричат больше всех.

Д. Кугультинов: – Куда исчезли автономии из заявления Назарбаева? Ведь это противоречит нашим же решениям, принятым на 4 съезде. Бывшие союзные республики, признайте хоть на одну минуту Татарстан, Башкирию, Чувашию равными себе! Можно ли строить такое отношение к малым народам? В России одних автономных республик пятнадцать и они теперь – никто!

С телетайпной ленты. Сообщение агентства «REUTER»:

В среду съезд народных депутатов должен принять историческое решение о похоронах Советского Союза в его старом виде и замене на новое свободное объединение суверенных государств.

Русские сепаратисты пошли на компромисс с официальными властями Молдовы и отказались от намерения перекрыть газопровод, а также линии электропередач.

Ландсбергис заявил, что не может быть полной независимости Литвы пока советские войска находятся на ее терри-

тории. Он призвал США поддержать его.

Молдова берет под свой контроль охрану границы с Румынией и принимает на себя командование пограничными войсками.

Горбачев призвал к созданию нового Союза. Республики сами должны решать, входить ли в него полностью или стать ассоциированными членами...

3 сентября, Кремлевский дворец съездов. Съезд идет медленно, с большими перерывами, под протесты о нарушении регламента. Сценарий написан предельно жестко: депутатов гонят по тоннелю, не давая возможности ни подумать над происходящим, ни оглянуться по сторонам. Но не всех удалось сломить.

А. Журавлев: – Я системный аналитик и вижу, что сценарий драмы написан системными аналитиками. Его суть: разделяй и властвуй. По чертежам нового Союзного договора нельзя создать нового государства через несколько дней после ликвидации Союза. Надо сохранить Верховный Совет. Будет спасена страна, будем спасены и мы.

В. Адвадзе: – Опасность переворота не ликвидирована!

В. Шаповаленко: – Считаю вопрос о приостановке деятельности съезда правомерным, но меня настораживает предложение о создании Совета представителей. Впервые не могу определить свою позицию. Ведь власть на местах не

изменилась. Они дождутся ошибок и скажут: вот они – нарушители Конституции. Нам не простят разгона Верховного Совета, как не простили разгона Учредительного собрания.

Рой Медведев: – Был и остаюсь коммунистом.

С. Залыгин: – Союза нет. Проблемы нарастают. Проект «заявления» поддерживаю.

А. Яценко: – В основе переворотов – нестабильность обстановки, неспособность правительства решить насущные нужды народа. Михаил Сергеевич – слабый хозяйственник, но нельзя все валить на него. Предлагаю присвоить Борису Николаевичу Ельцину звание Героя Советского Союза... (В зале – шок, никто даже не зааплодировал. – *Авт.*).

О. Сулейменов: – Общество движется вперед от здорового пинка в зад. Мы не успели свыкнуться с реальностью – СССР уже нет. Республики не будут подчиняться по вертикали, они объявили о своей независимости. На союзном уровне нужен Госсовет и номинальный законодательный орган – палата представителей суверенных парламентов. Пустые кастрюли для демократии страшнее танков.

М. Бронштейн: – Нужен экономический договор и создание структур, наподобие Общего рынка. Экономика не должна быть заложницей политики. Коктейль из экономики и политики сладок, но похмелье уж очень тяжелое. Экономическая война между республиками должна быть прекращена.

Б. Ельцин: – Августовский переворот – результат полити-

ки, которая проводилась в стране и привела к кризису власти. Делалось все, чтобы сохранить реакционные структуры.

Подтвердилась истина: реакционеры и реформаторы не могут идти в одном строю.

Союзные структуры заняли по отношению к республикам резко конфронтационные позиции, не признали суверенитета республик.

Центр безнадежно отстал от страны. Когда стало ясно, что страна выходит их под контроля, решились на насилие.

Одна из причин случившегося – непоследовательность президента СССР. Не может быть, чтобы он не знал цены людям, которые его окружают. Сегодня я верю Горбачеву значительно больше.

Роль центра – в координации действий республик. Развал тоталитарной империи необратим.

Предлагаю: сохранение единого экономического пространства страны; создание Союза как содружества суверенных государств, основанных на различных формах сотрудничества; сохранение союзных Вооруженных сил при контроле центра за ядерным оружием; военную реформу и общее сокращение военных расходов; обеспечение прав человека на всей территории страны.

Россия будет строить свои отношения на основе равенства и добрососедства. Будет равной среди равных.

Надо использовать возможность для преобразований. Глупо цепляться за обветшалые идеалы. Запад поддержит

наши преобразования.

Д. Лихачев: – Почему необходимо сохранение Союза? Приводятся слабые аргументы: экономическое пространство, оборона. Все это может быть отменено. Но нельзя отменить историю, нельзя отменить культуру. Нельзя провести новую тысячекилометровую берлинскую стену между нашими народами. Мы станем третьестепенной державой.

Ю. Карякин: – Этот съезд проголосовал бы и за хунту. Он не понял направление истории и в результате пролилась кровь. На этом съезде надо разрешить кризис – признать декларации о суверенитете.

М. Горбачев: – Все происшедшее для меня – тяжелый урок. Были ошибки в политике, в методах. Надо было решительнее ликвидировать консервативные тоталитарные структуры, опираться на плечи новых сил...

Достаточно резкое заявление сделали представители автономий: решения съезда – шаг назад в национальном вопросе. Надо сохранить представительство всех республик и автономных образований в Верховном Совете СССР. Опомнились...

Принимается постановление о признании полномочий депутатов, избранных после 4 съезда. Черный юмор.

Далее принимается постановление, в котором съезд одобряет «предложения, вытекающие из совместного Заявления». (1699 – за, 24 – против). Даже аплодисменты...

Одобрается высокопарная, но пустая, ничего не решающая Декларация прав и свобод человека. (1724 – за, 4 – против). Где вы были раньше со своими «правами человека»?

Голосуется основной документ – Закон Союза ССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период». Закон вносит изменения в Конституцию СССР, требуется конституционное большинство. Неужели и здесь не восстанут?

Статья 1: об образовании «конфедеративного» Верховного Совета СССР, формируемого из делегаций республик. После небольшой заминки – принято!

Статья 2: право республик приостанавливать на своей территории решения Верховного Совета СССР. Принято!

Статья 3: образование Госсовета СССР из руководителей республик. Принято!

Статья 4: упразднение должности вице-президента СССР. Принято!

Статья 5: образование некоего подобия правительства – Межреспубликанского экономического комитета на паритетных началах. Принято!

Такое ощущение, будто четвертуют живой организм...

Статья 6: первая часть – о сохранении за народными депутатами СССР их статуса – принимается с ходу. А вот со второй – «признается нецелесообразным проведение в переходный период очередных Съездов народных депутатов

СССР» – пришлось повозиться. Одно голосование, второе... Не проходит! Сработал-таки инстинкт самосохранения. Хотя и поздно.

Статья 7: срок созыва нового Верховного Совета. Принято!

Статья 8: изменения Конституции СССР, принятые Верховным Советом СССР, подлежат ратификации республиками. Принято!

Проект закона в целом: 1682 – за, 43 – против. Принято!

В дни съезда произошло еще одно событие, смысл которого стал ясен много позже.

С телетайпной ленты. Сообщение ТАСС, 4 сентября 1991 г.: Вооруженные формирования так называемой национальной гвардии Чечено-Ингушетии во вторник захватили здание телецентра и Дом радио в Грозном. Выступивший по местной телерадиосети председатель исполкома съезда чеченского народа Дудаев объявил о низложении Верховного Совета Чеченской республики. Корреспондент ТАСС передает из Грозного: обстановка в столице Чечено-Ингушской республики крайне напряженная. На основных магистралях парализовано движение транспорта. На улицах – вооруженные люди. В результате двухнедельных непрерывных митингов с требованием немедленной отставки всего руководства, обвиняемого в попытках сотрудничества с руководите-

лями провалившегося антиконституционного путча, официальные структуры власти парализованы. Здание парламента и правительства блокированы...

Так заговорили, заболтали на этом съезде Союз ССР. Возможность остановить процесс распада не была реализована. Напротив, решения съезда придали последующему разрушению союзных структур видимость «легитимности». И случайно ли то, что одна из последних фаз распада Союза хронологически точно совпала с началом кризиса власти в Чечено-Ингушетии – первым явным признаком начинающегося развала России?

В первый же день после окончания съезда, 6 сентября 1991 года, Горбачев сделал то, что он не решился сделать на съезде: по его инициативе Госсовет СССР проголосовал постановление о признании независимости трех прибалтийских республик – Литвы, Эстонии, Латвии...

Москва, Кремль, 4 ноября 1991 года

12 часов дня, Зал заседаний политбюро в Кремле. Горбачев входит в зал сосредоточенный и внутренне сжатый как пружина. Прожекторы телевидения освещают собравшихся за столом президентов восьми республик и премьеров Украины и Армении, заменяющих первых лиц. Кресло справа от Горбачева, зарезервированное по установившейся традиции за Ельциным, не занято. Участники заседания шуряются от яркого света и на всякий случай молчат – приглашение телевидения было для них «сюрпризом».

Горбачев одновременно и с раздражением и с тайным облегчением смотрит на пустое кресло Ельцина, интересуется, нет ли от него новостей, и решает начинать, не дожидаясь его прихода. Тем более, что начинать надо с изменения повестки дня.

Главным «сюрпризом» Горбачева, ради которого он пригласил телевидение, было решение выступить с развернутой политической речью. Поскольку повесткой дня, разосланной накануне членам Госсовета, это не было предусмотрено, надо было прямо на заседании внести дополнительный пункт «О текущем моменте». Энергичное возражение со стороны Ельцина могло бы поломать весь сценарий.

Придвинув к себе подготовленный текст, Горбачев, уже не глядя на членов Государственного совета, обратился к со-

гражданам.

М. Горбачев: — Мы в тяжелой ситуации, если не сказать — в тяжелейшей. У меня складывается впечатление, что мы слишком легко, без должной ответственности распорядились тем капиталом, который получили после путча и в результате решений, принятых на основе Совместного заявления руководителей республик. Тогда у всех нас возникла надежда, что с ситуацией можно справиться, ее можно взять в руки и уверенно повести страну по пути реформ к выходу из кризиса.

Тогда же мы особенно остро почувствовали недопустимость распада государства. Мы как бы заглянули за черту и увидели пропасть, в которую можем скатиться, если это произойдет.

Первые недели дружной работы усиливали эту уверенность. Люди, страна поддерживали такой подход. Но вслед за первыми неделями снова начались проволочки, возобновились политические игры. В муках рождается Экономический договор. Страна задыхается, не имея ясности по этим самым главным вопросам. Все это очень опасно.

Я надеюсь, что Госсовет поддержит инициативу руководства РСФСР на ускорение реформ. Со своей стороны я подтверждаю общую направленность предложенных Борисом Николаевичем мер. Скажу откровенно, что у меня вызывает недоумение отсутствие ясности в этой программе в отно-

шении Договора об экономическом сообществе и понимания необходимости самого тесного сотрудничества с другими членами экономического сообщества. Думаю, что этот вопрос принципиальный, так как ни сама Россия, ни тем более другие республики, действуя порознь, в одиночку не справятся с нынешней драматической ситуацией, не смогут избежать катастрофических последствий.

У меня была встреча с Борисом Николаевичем, откровенный обмен мнениями, и на мой прямой вопрос он твердо заявил, что Россия будет действовать в рамках экономического договора, более того, играть в нем инициативную роль. Сейчас, в сложной ситуации, в которой находится страна, мы не можем допустить, чтобы разрушался рынок, создавались барьеры, несогласованно вводились цены и так далее. Я должен прямо сказать: оукливание никого не спасет. Это иллюзия...

В момент, когда Горбачев перешел к оценкам просчетов, допущенных российским правительством, повторившим ошибки Рыжкова и Павлова, которые, объявив о предстоящем повышении цен, вызвали настоящую панику на рынке, в зал вошел Ельцин. Горбачев с видимым облегчением его поприветствовал, поскольку самые неприятные для российского лидера слова уже были сказаны, и продолжил...

М. Горбачев: – Мы не можем отпускать цены, не решив

вопроса о монополизме отраслей, о сокращении госбюджета, не простимулировав предпринимателей, не сказав обществу, что не отказываемся от какой-то формы регулирования ряда продуктов, иначе весь процесс будет сорван. Ситуация такая, что может быть взрыв. Надо срочно заняться этим, иначе начнут штурмовать лавки кооператоров, предпринимателей, а затем и государственные магазины.

В Москве уже прорвалось. Люди выделили из высказываний Бориса Николаевича только одно – начинается освобождение цен. И уже за вчерашний день хлеба было продано 2500 тонн вместо обычных 1800 тонн. Идет бешеная скупка. Рынки пустеют: торговля попридерживает товар. Ажиотаж вокруг сберкасс. Надо четко очертить, кто как будет поступать...

Опираясь на сказанное, хочу призвать: сейчас нужна интенсивная работа по согласованию действий между республиками. Мы должны осознать, что, как и после путча, у нас времени в обрез... Если члены Госсовета меняют свою позицию, если мы отказываемся от того, с чем вышли на подготовку Союзного договора, тогда давайте определяться. Мы должны сейчас в Госсовете провести важный разговор, который дал бы импульс нашей дальнейшей совместной работе, и вести дело к быстрейшему подписанию Договора о Союзе Суверенных Государств...

Выступление Горбачева продолжалось около 40 минут.

Услышав привычные начальственные интонации, которые большинству членов Госсовета доводилось слышать в этом же зале, когда он еще назывался залом политбюро, суверенные республиканские лидеры присмирели. Только Ельцин, пришедший с опозданием и недоумевавший как по поводу доклада Горбачева, так и юпитеров телевидения, сидел с откровенно недовольным выражением лица. Все молчали, но даже те, кто не смотрел на него, ждали его реакции.

Ельцин, наконец, ворчливым тоном заметил, что повесткой дня политическая дискуссия не предусмотрена. Однако, поскольку он опоздал, ему пришлось смириться с ответом Горбачева, сказавшего, что повестка дня была одобрена в его отсутствие. После этого Президент СССР предложил членам Госсовета высказаться.

Вновь наступило неловкое молчание. Откликнуться на просьбу Горбачева в присутствии недовольно насупившегося Ельцина значило занять его сторону в очевидном конфликте. Отказаться от обсуждения – выглядело переходом в лагерь российского президента. Ситуацию спас Назарбаев, который никогда не скрывал того, что в роли вожака он безусловно предпочитал Горбачева Ельцину. Не затрудняя себя длинной речью, он произнес несколько фраз о том, что двигаться надо быстрее, делать это всем сообща, и вообще «хватит топтаться на месте».

На этом общая дискуссия завершилась. Приличия были

соблюдены, и речь Горбачева получила хотя бы частичную легитимацию со стороны членов Госсовета. Больше того, хмурый кивок Ельцина в ответ на ремарку Горбачева о том, что Россия, по заверению ее президента, не намерена действовать вразрез с Экономическим соглашением, явился как бы сигналом отбоя, разрядившим обстановку и подтвердившим, что выяснение отношений откладывается.

Горбачев решил далее не дразнить Ельцина и, удовлетворившись репликой Назарбаева, перешел от «текущего момента» к запланированному обсуждению доклада Явлинского о подготовке к ратификации республиками Экономического соглашения. Поставленная им для самого себя задача-минимум была выполнена: страна услышит его «установочную» речь и увидит на телеэкране внимающих ему членов Государственного совета. Это должно подтвердить, что политическая инициатива вновь находится в руках Горбачева.

Вдохновленный первой победой, Горбачев провел заседание уверенно и энергично. По итогам доклада Явлинского он сформулировал поручения союзному правительству, привел к общему знаменателю дискуссию о будущей структуре Межгосударственного экономического комитета, сухо поставил на место мэра Москвы Гавриила Попова, вставившего в свое выступление скабрёзный анекдот. В течение всей этой части заседания Ельцин сидел молча, что позволяло Горбачеву отвоевывать дополнительные психологические очки,

расширяя ореол своего лидерства.

После перерыва наступила очередь более тонкой и деликатной материи – предстояло обсудить дальнейшую судьбу армии, МИДа и органов поддержания порядка в структурах будущего Союза государств. Министр обороны маршал Е. Шапошников представил драматическую картину деградации Вооруженных сил, грозившую перерасти в острый внутренний кризис с непредсказуемыми международными последствиями...

Его выступление явно произвело на присутствующих то впечатление, на которое и рассчитывал Горбачев. Иррационализм стихийного распада национальной обороны приобретал не только очевидный для всех, но и крайне опасный характер, и даже только приобщавшиеся к государственной ответственности недавние партийные секретари не могли этого не понимать.

Неожиданно для многих, прервав свое многочасовое молчание, с решительной поддержкой министра обороны, а стало быть, и позиции союзного президента, выступил Ельцин. Подчеркнув, что он высказывает не только свое личное мнение, но и излагает официальную позицию руководства Российской Федерации, он заявил, что Россия не создает и не собирается создавать собственной армии, невзирая на возможные шаги в этом направлении со стороны других респуб-

лик.

Б. Ельцин: – Мы не будем ни первыми, ни вторыми, ни третьими, ни четвертыми. И это ответ России на опасения тех, кто считает, что она может кому-то угрожать. Поскольку мы пытаемся, несмотря на все трудности, создать новое государство – Союз Суверенных Государств, оно, безусловно, должно иметь и единую армию – единые Вооруженные силы...

Ельцин закончил он свою пространную речь, официально подтвердив, что Россия не только никогда не пойдет на создание собственной армии, но и «призывает всех» объединить усилия для решения этого важного вопроса.

Горбачев никак не выдал своего ликования, хотя было очевидно, что Ельцин с присущей ему категоричностью изложил, в сущности, позицию союзного президента, и передал слово следующему оратору. У него были все основания испытывать удовлетворение от хода сегодняшнего заседания. Руководимый им государственный корабль впервые после августовской катастрофы, чуть было не отправившей его на дно, начал опять слушаться руля. Как показывало сегодняшнее заседание, ему удалось отладить и запустить даже такой сложный и капризный механизм управления, каким был, в сущности, совсем не приспособленный для этой функции Государственный совет. Ведь он объединял почти как в международной организации лидеров республик, про-

возгласивших себя по примеру России суверенными государствами.

И все-таки даже это нелепое подобие Совета Безопасности ООН, состоявшее из бывших членов политбюро, как оказывается, можно было заставить работать на его замысел. Всего лишь на одном заседании Горбачеву удалось заставить его служить декоративным фоном для его политического возвращения из заграницы и использовать Госсовет для того, чтобы остудить вождедения республиканских правителей в главной сфере национального суверенитета – безопасности.

Бросить вызов объединенной позиции министра обороны и двух президентов участники совещания, разумеется, не решились. Даже украинский премьер Витольд Фокин, несмотря на то что исход выборов президента на Украине и, стало быть, его собственная судьба оставались неясными, предпочел в этом вопросе торжественно солидаризироваться с позицией российского президента. Конъюнктурный девиз «Сейчас скажем так, а потом посмотрим», незримо проступал на многое слышавших стенах зала политбюро.

Оставалось разобраться с союзным министерством иностранных дел... Все головы вновь повернулись к Ельцину: он должен был дать ответ – будет ли продлена жизнь союзному МИДу или от него останется символический огрызок

— одна десятая часть, о которой говорил Козырев? Интерес лидеров республик к позиции России в этом вопросе объяснялся, разумеется, не беспокойством за судьбу Панкина. При всей их неудовлетворенности тем приниженным положением в области внешней политики, в котором их держала Москва, они готовы были терпеть от союзного руководства то, чего не могли бы снести от российского. Во всяком случае, официально признать, что среди равных республик есть одна «более равная», чем все остальные, было бы для них неприемлемо.

Ельцин явно наслаждался такими минутами, когда его слово становилось решающим. В такие моменты он даже позволял себе быть великодушным. Вот и сейчас, под обращенными на него взглядами, он начал раздраженно критиковать союзный МИД: люди развратились, оторвались от собственной страны, недаром почти все посольства сделали «под козырек» перед путчистами... Пожурил он посольства и за то, что в своих телеграммах они часто пересказывают вещи, уже опубликованные в печати, поэтому, по его мнению, вполне можно было бы сократить не только дипломатов, но и шифровальщиков. В итоге делался вывод: надо идти на более радикальные решения.

Однако, сказав все это, Ельцин неожиданно закончил «отпущением грехов» МИДу, заявив, что он с уважением относится к дипломатам и считает, что польза от них есть. Главное же, российский президент развеял опасения союзного

министра, сказав, что Россия «не рвется» создавать за рубежом свои посольства, потому что «считает деньги». Дипломаты облегченно вздохнули...

Рассуждения Ельцина, как и предыдущие его высказывания о единой армии будущего «общего государства», подтверждают, что всего лишь за месяц до встречи в Беловежской Пуще у него не было отчетливых намерений вести дело к стремительному разрушению союзных структур и отказу от подписания нового Союзного договора. Еще в начале ноября и даже позднее этого срока Ельцин вел себя как человек, следовавший общей стратегии, выработанной после августа совместно с Горбачевым... Что, разумеется, не означало, что такой же позиции придерживалось его окружение...

Заседание Госсовета подошло к завершению. На первый взгляд, оно ознаменовалось для Горбачева рядом серьезных приобретений, за которые, как ему казалось, на этот раз не пришлось платить принципиальными уступками. На заседании была достигнута договоренность о том, что вскоре члены Госсовета соберутся вновь для постатейного обсуждения проекта Союзного договора...

Ново-Огарево, 14 ноября 1991 года

В этот день состоялось очередное заседание Госсовета СССР. На этот раз оно началось едва ли не со скандала. Приехавший последним Ельцин хмуро вошел в комнату на первом этаже, где Горбачев собрал уже прибывших участников. Сам его вид не предвещал ничего хорошего.

Ельцин был взбешен поступившей к нему информацией о том, что Горбачев на пресс-конференции по поводу выхода своей книги якобы «проходил» по адресу российского руководства в связи с событиями в Чечено-Ингушетии.

– Раз вы критикуете Россию, – бросил он Горбачеву, – мы будем отвечать. Выходит, кончились наши новые отношения, которые продолжались всего три месяца после августа.

Горбачев опешил. Положение осложнялось тем, что отвечать Ельцину приходилось в присутствии собравшихся других республиканских лидеров. Те, почувствовав неуместность своего присутствия при «семейной сцене», один за другим выбрались из комнаты.

Горбачев постарался успокоить российского президента, сказал, что не имел в виду осложнять его жизнь. Больше того, он ведь постарался выразить поддержку его позиции в пользу сохранения целостности России и обещал в подтверждение своих слов показать стенограмму пресс-конферен-

ции. Ельцин, несмотря на примирительный тон президента, еще некоторое время не мог остыть. Ворчал по поводу «горбачевского» телевидения, которое-де постоянно повторяет его критические высказывания в адрес российского руководства, негодовал из-за того, что россиян дискриминируют в вопросах распределения дачных поселков и домов отдыха. Однако «пар был выпущен», и можно было открывать заседание.

Едва начавшись, дискуссия по тексту будущего Союзного договора забуксовала, уткнувшись в определение характера будущего государственного образования. Горбачев ратовал за «союзное государство», с новым центром, которому будут решением членов Союза отведены соответствующие полномочия.

Ельцин при поддержке Шушкевича неожиданно для остальных участников заседания, считавших, что они обсуждают первоначально согласованный текст, выступил против единого государства. В ответ на недоумение Горбачева он сослался на то, что в своих поправках указал на несогласие с единой для всего Союза конституцией.

Горбачев предложил сосредоточиться на этом главном пункте:

– Надо определить, что, собственно, мы будем создавать. Да, после августа договорились отказаться от федерации, но не ради того, чтобы вместо этого соорудить нечто бесфор-

менное, аморфное.

Его активно поддержал Назарбаев:

– Надо подтвердить, что у тех, кто здесь сегодня собрался (за столом рядом с президентом съездившегося, как шагреновая кожа, Союза сидели представители семи республик), по крайней мере, есть намерение и воля образовать политический союз, с единой армией, территорией, границами. Если мы не сделаем этого, за нас это сделают другие, те, кто придет после или вместо нас. Давайте же хоть раз будем крепки не задним умом.

Противники Союза завели речь о конфедерации. В качестве примеров называлась и Швейцария, и Канада. Горбачев усиливал отпор:

– Если откажемся от единого государства, то получим нечто неопределенное, никого ни к чему не обязывающее, но и не особенно нужное. Даже международное сообщество предпочитает иметь дело с Союзом как с ответственным государством, хотя бы из-за ядерного оружия.

Он попробовал еще раз вернуть на стол сам термин «Союз», доказывая, что это наиболее приемлемая формула, ибо позволяет интегрировать все виды связей – федеративных, конфедеративных, даже ассоциативных. Закончил он решительно:

– В конце концов, определяйтесь сами. Я убежден, что

нам необходимо сохранить союзное государство, иначе погубим дело и в стране, и в мире.

На этот раз Ельцин попробовал смягчить резкость постановки вопроса:

– Насчет того, что так считают за рубежом, вы драматизируете.

Горбачев был непреклонен:

– Если не удержим единое государство, я вам прогнозирую беду. Это главный вопрос.

В спор включился Шушкевич, который сказал, что у конфедерации могут быть единые вооруженные силы. Ельцин добавил к этому транспорт, космос, экологию.

Горбачев не отступал:

– Если не будет эффективных государственных структур, зачем тогда нужны президент и парламент? Если вы так решите, я готов уйти.

Ельцин запротестовал:

– Ну, это эмоции.

– Ничего подобного. Я себя и физически исчерпал. – С этими словами Горбачев совсем непохоже на «исчерпавшего» себя человека резко вскочил из-за стола. Чувствовалось, что он не отступит:

– Я не могу и не стану брать на себя ответственность за аморфное образование. Если президент вам нужен для свадьбы, чтобы об него ноги вытирать, – это не для меня. Стране требуется избранный народом сильный руководитель, спо-

собный уравновесить ту новую степень децентрализации, на которую мы сейчас переходим. Уверен, что в народе нас поддержат. Повторяю, у меня нет амбиций претендовать на эту должность.

Повернувшись к Ельцину, Горбачев подался к нему всем корпусом, как при теннисном ударе:

– Поймите, Борис Николаевич, во что нас втягивают те, кто предлагает России сбросить всех и пойти вперед в одиночку.

Имелся в виду, очевидно, все тот же Бурбулис с его пресловутым меморандумом о скорейшем оформлении подлинной государственности России в качестве основного правопреемника СССР.

Даже Ельцину было трудно противостоять такому напору. Или, может быть, он просто еще не был готов прилюдно «бросить перчатку»... Кроме того, и соотношение сил и, соответственно, голосов (в отсутствие Кравчука) было явно не в его пользу – на одного Шушкевича перед лицом сплоченного среднеазиатского фронта, возглавляемого решительным Назарбаевым, надеяться было трудно.

Так или иначе, но Ельцин примирительно пробурчал:

– Я не поддерживаю экстремистов. Давайте честно напишем – конфедеративное государство.

Это была явная импровизация, но она подтверждала, что на сегодняшнем заседании и он ищет компромисса.

Уловив тень слабости в его позиции, Горбачев немедленно

но решил усилить свою:

– Я готов идти до последней черты – мне уже все равно. Просто я руководствуюсь принципами, а вы тем, что «скажет Марья Алексеевна». Поймите, государство – это не просто союз суверенитетов. Оно имеет свои особенности. Да и наш мир сформировался не за последние десять лет.

Он вновь и вновь повторял, что центр необходим для того, чтобы обслуживать общее оборонное пространство, выполнять стратегическую миссию, проводить согласованную, единую внешнюю политику, а не «8-10 разных политик», толкать страну к рынку.

– Мы ведь уже убедились, что экономический договор без политического не будет работать. Попомните мое слово, – предостерегающе поднял он руку, – вольготность обернется бедой. Я не стану отвечать за рыхлое, никого ни к чему не обязывающее формирование, за богадельню. Особенно в переходный период.

Он говорил в этот раз как никогда убежденно, и все поняли, что его угроза уйти, оставив их друг перед другом с ворохом нерешенных проблем, к которым они плохо представляли, как подступиться, была вполне реальной.

Неожиданно Ельцин проговорил:

– Не знаю, может быть, Вы и правы.

Это прозвучало как предложение компромисса. Принимая его, Горбачев уже примирительно, как о прошлом инциденте, сказал:

– Удивлен я, Борис Николаевич, как ты меня подвел. – И тут же предложил компромисс со своей стороны: – А может быть, и вправду обойдемся без единой конституции...

Оживились сидевшие до этого безмолвно приглашенные на заседание юридические эксперты – академик Владимир Кудрявцев и профессор Вениамин Яковлев.

– Развернутый Договор об образовании государства и Декларация прав человека вполне могут быть заменой конституции, – сказал академик.

– Конфедеративное государство – это уже компромисс, заметил профессор, хотя в глубине души понимал, что это компромисс права с политикой.

Горбачев, уже с великодушием победителя, постарался закрепить Ельцина на пока еще скользкой платформе компромисса:

– В договоре надо найти способ поддержать целостность России и ее руководство в спорах с автономиями (это было уже его ответное извинение за вмешательство в чеченский кризис). Если в России проиграет Ельцин – проиграем все, ведь мы повязаны одним проектом.

Удовлетворенный реверансом в его сторону, Ельцин напомнил об Украине:

– Надо бы что-то для них предусмотреть, какую-то возможность присоединения. Ведь если они создадут свои вооруженные силы и свою валюту, то уже не вернуться.

– А в конфедерацию Украина бы пошла, – мечтательно

протянул Шушкевич.

Он же предложил еще более гибкий компромисс:

– Давайте начнем с конфедерации, а потом доведем ее до федерации.

Ему тут же возразил Назарбаев:

– Колебания Украины – это дополнительный повод всем остальным объединиться.

На перерыв разошлись с двумя вариантами формулировки. Одна была представлена Ельциным, вторая – Горбачевым. При перепечатке помощники догадались снять упоминание об авторстве и обозначили их, как на конкурсе, анонимно: номер 1 и номер 2 – для того чтобы избежать нового конфликта самолюбий.

Смысл компромисса был очевиден – единое конфедеративное государство (по Горбачеву), лишенное единой конституции (по Ельцину).

Обед проходил в застекленной веранде на втором этаже. Официанты разнесли блюда без особых деликатесов, но добротные и обильные. Желавшие могли налить себе водки, коньяку. В центре стола сел М. Горбачев, рядом – руководители России, Украины, Белоруссии, союзного правительства и Верховного Совета СССР, затем – остальные гости. Разговор все больше становился общим, с шутками и тостами. Горбачев часто пользовался такими перерывами, приглашал отобедать, когда накал страстей был особенно велик. Неприми-

римые стороны во время обеда добрели, соглашались или, по крайней мере, делали вид, что соглашаются...

Во время обеда, прослушав зачитанную самим Горбачевым стенограмму его высказываний о Чечне и убедившись, что подвоха не было, Ельцин окончательно успокоился и даже пришел в хорошее расположение духа:

– Смотрите, как плохо начали и как хорошо заканчиваем, – сказал он, как бы сам изумляясь этому.

После уточнения компромиссной формулировки дело действительно пошло быстрее. Не без дискуссий, но и без ожесточенных споров договорились по остальным принципиальным вопросам: об избрании президента не парламентом, а гражданами будущего Союза (через выборщиков); о двухлетнем парламенте, с депутатами, избираемыми от территориальных округов, а не только от республик; о правительстве и даже о столице (которую первоначально авторы российских поправок хотели окрестить «местом пребывания» центральных органов) и т. д. Задержались дополнительно на вопросах избрания председателя парламента и вице-президента. Последнего Ельцин категорически потребовал «убрать»:

– Не могу думать об этой должности после Янаева.

Что касается председателя парламента, оговорил:

– Только надо подбирать такого, чтобы не предавал.

Горбачев парировал:

– Даже у Христа среди апостолов нашелся один предатель.

Поскольку за ново-огаревским столом апостолов было семь, все молчаливо решили исходить из того, что тринадцатого среди них нет.

Условились даже о том, что участие в будущем политическом Союзе должно быть сопряжено и с экономическими выгодами. Тут же конкретизировать эту формулу решил сам российский президент.

– При заключении экономического соглашения мы подсчитали, что в пересчете на мировые цены взаимных обязательств между Украиной и Россией разница в нашу пользу должна составить 80 млрд. долларов. Если Украина согласится войти в Союз – можем этот должок забыть, если нет – пусть платят, – сказал он и ухмыльнулся, довольный произведенным эффектом.

Это уж точно не походило на игру и на попытку успокоить возможные опасения союзного президента, да и членов Госсовета относительно истинной приверженности российского лидера идее союза. Он выглядел и вел себя как его безусловный сторонник и защитник. Быть может, он не исключал в ту пору возможности продлить сотрудничество с Горбачевым или, наоборот, исходил из того, что у Союза скоро будет новый – и почему бы не российский? – президент. Скорее же всего, в этой богатырской фигуре умудрялись сосуществовать, может быть, даже конфликтуя друг с другом, как это свойственно многим русским натурам, противопо-

ложные характеры, совсем разные личности, каждая из которых тем не менее была истинной.

Б. Ельцин (воспоминания):

– В Ново-Огареве Горбачев все время не успевал за ситуацией. Она все время его на шаг опережала. Он шел на уступки, которые до августа всем казались бы немислимыми. Он согласился на то, чтобы будущий союз стал конфедеративным государством. При этом сохранялся сильный центр, определявший вопросы обороны, часть финансовых вопросов. Оставался единый президент. Он выступал гарантом соблюдения договора, представлял союз суверенных государств (ССГ – это был вариант новой аббревиатуры бывшего СССР) в отношениях с зарубежными странами. В центральном правительстве сохранялся пост премьер-министра. В Москве должен был работать двухпалатный парламент.

Атмосфера на ново-огаревских заседаниях в октябре-ноябре сильно отличалась от той, которая царила до путча. Если раньше подавляющее большинство глав республик не смели спорить с Президентом СССР, и даже где-то осуждали меня за «чрезмерный радикализм», то теперь они сами уже бросались на Горбачева, не давая мне и рта раскрыть.

Параллельно шел активный процесс в республиках – с объявлениями государственной независимости, с выборами президентов. Все мечтали поднять свой собственный статус, все хотели стать равноправными членами ООН...

В течение дискуссии Горбачев часто вставал из-за стола, расхаживал по залу. Однажды в волнении он даже повалил портфель с ядерными кодами, как обычно стоявший на расстоянии вытянутой руки от него.

Обсуждение шло к концу. Договорились внести в текст согласованные поправки и направить договор на рассмотрение парламентов. По предложению Шушкевича условились собраться еще раз, чтобы парафировать текст и тем самым взять на себя обязательства защищать его своим авторитетом перед парламентариями.

Зашла речь о сроке подписания договора. Все согласились провести его до конца года.

Назарбаев, намекая на ГКЧП, пошутил: – Только давайте на этот раз никому дату не называть.

Присутствующие вежливо, но натянуто улыбнулись...

С. Шушкевич (воспоминания): – В Ново-Огареве Горбачев буквально заставил нас, руководителей республик, согласиться с «мягкой», ничего не значащей формулировкой Союзного договора. Она не вела ни к чему, кроме как раздражению глав государств и Верховных Советов.

Когда я в Минске на сессии Верховного Совета зачитывал придуманную горбачевскими придворными юристами формулировку, меня почто засмеяли: «Вы что, словарей не читали?.. Как вы можете нести такую нелепицу?!» Я и сам пре-

красно понимал, что это полная чушь.

После еще одного перерыва, уже поздно вечером, обсудили структуру МЭК и общими усилиями упростили Б. Ельцина продлить жизнь нескольким союзным министерствам (в их числе министерству финансов и министерству экономики) на две недели хотя бы для подготовки чрезвычайного бюджета (их существование должно было прекратиться на следующий день). Ельцин с видимым неудовольствием согласился на «последнюю отсрочку»:

– А то они потом все реанимируются.

Когда после окончания заседания его участники начали спускаться по лестнице, внизу их ждал еще один горбачевский «сюрприз» – изголодавшаяся по новостям пресса, за которой угадывалась истомившаяся от неопределенности страна.

Безымянная страна, желавшая услышать от восьмерки лидеров, как ей впредь называться – Союзом, Содружеством, Конфедерацией или каким-нибудь еще менее понятным ей термином.

Горбачев приемами умелого пастыря завел всю великолепную семерку в зал с сияющими прожекторами телекамер. Отвечать на первый вопрос он предоставил Борису Николаевичу.

Оставшись один на один с требовательно смотревшей и слушавшей его страной, *Ельцин* торжественно возвестил: –

Трудно сказать, какое число государств войдет в союз, но у меня твердое убеждение, что Союз будет!

Назарбаев: – Республика всегда стояла за сохранение Союза, безусловно, не того, который был, а союз, который реально сегодня существует, это союз суверенных государств – самостоятельных и равноправных. Я на этой позиции стою, выражая мнение большинства населения Казахстана. Каким будет этот союз в конечном счете – конфедеративным или каким-то другим, покажет будущее.

Шушкевич: – По моему убеждению, вероятность образования нового союза существенно возросла. Я думаю, что союз будет.

Акаев: – Присоединяюсь к коллегам. Я полон уверенности – союз будет.

Мурадов (Председатель Верховного Совета Туркменистана): – На состоявшемся на днях заседании Верховного Совета все депутаты высказались за то, чтобы наша республика была в составе Союза Суверенных Государств.

Искандаров (заместитель Председателя Верховного Совета Таджикистана): – Наша республика с самого начала была за Союз. После сегодняшнего заседания появилась уверенность, что он будет.

Итоги подвел радостно оживленный *Горбачев:* – Достигнута договоренность в главном: будет государство – субъект международного права. Однако у будущего ССГ (останется именно такое название) не будет своей конституции. Ее за-

менит сам договор о Союзе Суверенных Государств. Прорабатываются вопросы гражданства – оно также будет союзным. У Союза будет свой парламент – двухпалатный, а также правительство. Что же касается Межгосударственного экономического комитета (МЭК), то он будет действовать на переходный период в качестве правительственного органа. В правительство ССГ помимо премьер-министра войдут его заместители и министры союзных ведомств, которые сохраняются по условиям нового договора.

На Госсовете основательно обсуждался и вопрос о том, какой будет роль республик и каким станет новый центр. Здесь ожидается огромное перераспределение полномочий. Республики категорически против того, чтобы под давлением тех или иных обстоятельств реанимировать старый центр. Я разделяю такую позицию, но при одном условии: новое государство должно располагать эффективными властными функциями и полномочиями.

У ССГ будет и свое высшее должностное лицо – Президент, предусматривается также и институт вице-президентства. Президент ССГ будет избираться гражданами республик, входящих в Союз.

Конечно, все эти вопросы пока рассматривались лишь при первом приближении. Работа над ними предстоит еще большая. Ведь нынешний проект Союзного договора о том, который был готов к подписанию 20 августа, кардинально отличаются друг от друга. Но в принципиальном плане мно-

гие основополагающие пункты нового договора обсуждены и согласованы. Члены Госсовета соберутся еще раз для обсуждения остающихся проблем.

На вопрос корреспондента ТАСС, когда состоится следующее заседание Госсовета по этому вопросу, Горбачев ответил: «Точная дата заседания еще не определена».

На вопрос корреспондента «Известий», каковы возможные сроки заключения договора об ССГ, последовал более пространственный ответ Горбачева: «У нас у всех желание двигать этот процесс насколько возможно быстрее. И вместе с тем нельзя торопиться. После следующего заседания Госсовета пойдет основной процесс, который можно будет раскладывать по времени. Но главное – не потерять темп и не увязнуть в политических баталиях. Проект договора предстоит рассмотреть и Верховным Советам республик. Если они его одобряют, то он вступит в силу сразу после подписания договора полномочными делегациями...»

Уже после окончания пресс-конференции кто-то сказал, не обращаясь персонально ни к кому:

– Не очень-то хорошо звучит новое название государства – ССГ. Может быть, оставить старое?

Ельцин, тряхнув шевелюрой, энергично парировал:

– Ничего, привыкнем!

Москва, Кремль...

Остынем от эмоций. Отдохнем от бесконечных бесплодных дискуссий и хитросплетений политических интриг. Попытаемся понять – за что бились? Что было целью Ельцина, который с таким упорством выталкивал из Кремля Горбачева, отлично сознавая при этом, что «побочным результатом» станет развал Союзного государства? Пройдемся по кремлевским залам и коридорам – роскошной декорации одной из величайших драм XX века.

Временная резиденция

До российского президента в 14-ом корпусе Кремля сидели председатели Президиума Верховного Совета СССР – Брежнев, Подгорный, Лукьянов. Интерьер при них, как рассказывают, был довольно скучный: голые стены, громоздкая мебель, казенные сувениры.

Привлеченным специалистам, особенно итальянским, пришлось немало потрудиться, чтобы стереть следы казарменного прошлого. Помимо денег и пота, потребовалось большое количество дорогих материалов: ценные породы дерева, цветные металлы, мрамор, хрусталь, малахит и яшма невымысленных цветов и оттенков. Потолки расписывали вручную, мебель делали по старинным образцам, живопись и

скульптуру подбирали в запасниках Третьяковки. Результат, по свидетельству очевидцев, превзошел все ожидания.

По центру президентского этажа проходит длинный коридор, застланный красным в крапинку ковром, по которому одиноко прохаживается сотрудник президентской службы безопасности. Стены обиты зеленой материей и увешаны произведениями живописи, представляющими все разнообразие жанров: пейзажи, батальные сцены, библейские и светские сюжеты, городские виды. В ряде картин угадывается кисть Айвазовского, Саврасова, Верещагина, но особенно запоминается картина Смирнова «Утренний выход византийской царицы к гробницам своих предков», датированная 1887 годом.

Картины и другие произведения искусства, украшающие резиденцию Ельцина, подбирались Ильей Глазуновым, который осуществлял общее художественное руководство всеми ремонтно-реставрационными работами на президентском этаже.

Примерно в середине коридора, сразу за постом охраны, вход в секретариат, из которого через одну дверь можно попасть на левую половину президентских апартаментов, через другую – на правую. Обе половины представляют собой несколько кабинетов и залов, сообщающихся по принципу анфилады.

Левую половину открывает официальный представительский кабинет президента. Он выдержан в зеленых тонах, по-

зитивно влияющих на психику: стены обиты темно-изумрудной материей с золотистым узором, в тон – ковер и шторы, потолок расписан бледно-зеленой и белой красками, по углам живописцы нарисовали шлемы и мечи. В интерьер удачно вписана кожаная мебель салатного цвета, хрустальные многоярусные люстры и позолоченные канделябры.

Белая с золотом декоративная арка разделяет помещение на две части. В первой под изображением императрицы Екатерины Великой, окруженной подданными, стоит небольшой круглый столик. За ним президент принимает первых лиц страны. Иногда он разговаривает с ними в стороне, за овальным столиком, стоящим по другую сторону арки – это зависит от настроения.

В глубине официального кабинета – рабочий стол президента. На нем царит идеальный порядок, ни одной бумажки, ни одного лишнего предмета – только Конституция Российской Федерации в темно-красном бархатном переплете с золотым тиснением, послание Федеральному Собранию, Российский статистический ежегодник, настольная лампа с зеленым абажуром, малахитовый чернильный набор и полудрагоценный камень – зодиакальный камень президента.

Рядом на приставном столике выставлено множество телефонных аппаратов спецсвязи и пульт прямой связи президента с особо важными лицами. За спинкой президентского кресла располагается Государственный флаг Российской Федерации. Из дорогих деталей обстановки запоминаются

бронзовые бюстики императрицы Екатерины и Петра I, стилизованного под римского императора, а также макет фрегата.

При новом хозяине полностью обновилась кабинетная библиотека. С полок исчезли тома В. И. Ленина и материалы парт-съездов, их место заняла историческая литература: собрания Соловьева и Ключевского, книги юриста Кони, «Памятники русского права». Есть также «Всемирная география», «Вселенная и человечество», словарь Даля и Большая советская энциклопедия. По словам секретаря президента, книги подобраны по списку, составленному лично Борисом Николаевичем, и регулярно используются им в работе.

За официальным представительским кабинетом следует рабочий кабинет Президента, исполненный в синих тонах. Здесь, помимо стола, вешалки, теле— и видеоаппаратуры японской работы, стоит конторка — «пюпитр». Президент, подобно Хемингуэю и Толстому, любит работать стоя.

У Бориса Николаевича богатая видеотека, в основном документальная. На пленке запечатлены визиты президента, например, в Финляндию и Екатеринбург, сцены августовского путча, трудовые будни. Две полки в рабочем кабинете заставлены томиками «Записок президента». У хозяина офиса бывает много гостей, а книга, как известно, лучший подарок.

Миновав небольшой предбанник, в котором расположены «удобства», попадаешь в комнату отдыха. Она выполнена в мягких золотистых тонах, располагающих к размягчен-

ности и компромиссу. Комната невелика, большую ее часть занимает стол, сервированный столовой посудой. Сюда президенту подают обед, а нередко и ужин. Естественно, есть стул (глава государства нередко кушает в одиночку), а также горка с коллекцией «гжели». В углу – небольшой японский телевизор.

Главное украшение комнаты – икона Казанской богоматери – подарок Патриарха. Две другие живописные работы принадлежат кисти Ильи Глазунова – это портрет покойной матери президента Клавдии Васильевны Ельциной и пейзаж с церквями.

Из столовой – выход в овальный холл, отделанный мореным дубом и украшенный позолоченным орнаментом. Дверь из холла ведет на лестничную площадку к спецлифту, который поднимает президента к месту работы. Преступив порог холла, Борис Николаевич может лицезреть себя в полный рост в зеркальной стене напротив. Под зеркалом стоит журнальный столик, на нем – фотопортрет президента, говорящего речь.

Через третий выход из холла можно попасть в подсобные помещения резиденции, где располагаются служба охраны, кабинет личного врача президента, спортзал с тренажерами и пищеблок.

Вернемся в исходную точку нашей экскурсии и пройдемся по залам, расположенным по правую сторону от секретариата. Их три. В первом, самом вместительном и роскошном

зале собираются Президентский совет и Совет безопасности.

Некоторое представление об этом помещении граждане имеют благодаря телерепортажам. Это большая прямоугольная комната, в правом углу которой, у входа, стоит трибуна, а по центру во всю длину тянется огромный стол, инкрустированный светлой палево-желтой яшмой. Президент, естественно, занимает место во главе стола, для помощников и приглашенных предназначены столики на двоих. Всего в этом зале могут заседать до 58 человек.

Далее – зал аудиенций. В президентском окружении его называют «залом боевой славы». На стенах гравюры и картины, запечатлевшие победы русского оружия, на потолке изображены элементы военной экипировки, в двух книжных шкафах – литература о жизни и деятельности великих российских полководцев Суворова, Кутузова, Лазарева, Нахимова, Ушакова, Жукова, тома Истории Великой Отечественной войны... Невдалеке от стола переговоров, рассчитанного на десять мест, установлен Государственный флаг России.

Обстановка третьего зала (для встреч «тет-а-тет»), напротив, камерная. Декоративный беломраморный камин, ореховый столик с инкрустацией, пара кресел, пейзажи. Здесь обычно встречаются президент, его визави и переводчик.

Из этого последнего кабинета дверь выходит в коридор, и маршрут по президентским покоем завершается. Остается лишь напомнить, что осмотренная обитель – временное пристанище Президента.

Главная резиденция

Главная резиденция Президента России находится в здании бывшего Сената (1 корпус Кремля). В послереволюционное время это здание капитально ни разу не ремонтировалось. В 1934 году при Сталине провели некоторую реконструкцию. Ремонт, чисто косметический, проходил в 1974 году при Брежневe.

Как считают проектировщики, со временем этому уникальному сооружению был нанесен огромный ущерб. Без учета архитектурных особенностей устанавливались многочисленные перегородки, в результате чего помещения утратили привлекательность. К тому же конструкции, выполненные из некачественных материалов, обветшали. В ходе ремонта перегородки разрушили и выбросили на свалку, очистили потолки и стены. И внутренний вид сводчатых этажей постепенно приобрел свой первозданный вид, в них проступили черты раннего классицизма.

При реставрации, как внутри, так и снаружи, использован белый камень, мрамор, цветные металлы. Как и во временной резиденции президента, здесь много светлого, теплого, золотистого... На объекте работали тридцать фирм, в том числе швейцарские, итальянские, австрийские. Все выполнено по высшему разряду и в срок.

Стиль раннего классицизма соблюден не только при

оформлении интерьеров дворца, но и в подборе мебели: столы, стулья, кресла, диваны, шкафы – все приближено к образцам времен Казакова. Меблировка, разумеется, новая, с иголки, выполненная из благородного дерева по чертежам старых мастеров. То же – и с хрустальными люстрами. Их восстанавливали специалисты, которые реставрировали дворцы в Санкт-Петербурге.

С восемнадцатого века сохранились два помещения. Первое – бывший Екатерининский зал, довольно вместительный, который при Советской власти переименовали в Свердловский. Нынче ему вернули прежнее название. Он находится на втором этаже. При генсеках там в основном проходили награждения. Теперь в нем устраиваются государственные приемы, проводятся переговоры на высшем уровне. Для этих целей зал пришлось облагородить: убрать ряды кресел, которые делали его похожим на кинотеатр, настелить полы из ценных пород дерева, освежить стены и купол.

Вокруг Екатерининского зала идут колонны, каждую из которых украшает двуглавый орел. В советские времена они были покрашены под общий белый фон и прикрыты портретами. Сегодня золотые орлы восстановлены в правах. Громоздкие деревянные кресла членов политбюро вынесены и заменены на итальянскую мебель, в кратчайшие сроки изготовленную по спецзаказу.

Украшение зала довершают две скульптуры: бронзовая статуя «Россия» работы скульптора А. Бичукова (она уста-

новлена там, где раньше возвышался бюст В. И. Ленина), напротив – статуя «Правосудие».

В целостности и относительной сохранности остался еще один зал – Овальный, где когда-то проходили заседания Совмина СССР. Сегодня в нем оборудован парадный кабинет президента России.

Знакомство с президентской частью дворца начнем с приемной президента – красивого зала с декоративным камином (в президентском кабинете камин настоящий, действующий). Когда-то здесь был кабинет Поскребышева, секретаря Сталина.

От приемной берет начало анфилада залов. Сначала – красный Посольский, предназначенный для вручения верительных грамот. Затем – Малая гостиная, выполненная в успокаивающих светло-голубых тонах. Следующий зал – розовый Каминный, где в непринужденной обстановке у камина проходят фуршеты и неофициальные встречи. Следом за Каминным – торжественный Банкетный, украшенный зеркалами. Здесь за большим прямоугольным столом на шестнадцать мест проходят торжественные обеды на президентском уровне.

В наследство от Казакова достались две угловых парадных лестницы, которые проходят внутри здания. Им ныне отведена представительская функция.

Разумеется, реконструкция не ограничилась улучшением «классического наследия». В резиденции оборудованы но-

вые залы – для вручения верительных грамот, проведения встреч, обедов. Два-три помещения, находящиеся на разных этажах, специально предназначены для выставок работ русских художников, произведений народного творчества, старинного оружия и орденов.

Так выглядит парадная часть президентского дворца. Что же касается деловой, здесь особый интерес вызывают рабочие апартаменты главы государства.

Рабочий кабинет президента, который, как и прежде, размещен на втором этаже, будет небольшим: площадь его составит где-то 100 квадратных метров. Кстати, примерно таких же размеров был царский кабинет в Большом кремлевском дворце. И в остальном деловая часть резиденции традиционна: небольшая приемная, где работают президентские секретари, комнаты для охраны, ближайших помощников.

Рядом с кабинетом президента кабинет его личного врача, комната отдыха, президентская столовая. У главы государства будет комната с душем и ванной, куда он сможет погружаться в жаркие дни, а также спортзал, где на выбор президента установят необходимые ему тренажеры.

В главной президентской резиденции обустроена целая анфилада залов – для заседаний Президентского совета, Совета безопасности, правительства. Есть и «узкоспециализированные» кабинеты для совещаний по вопросам обороны, медицины, культуры. Каждый такой «рабочий участок» оборудован компьютерами и комплексом самых современных

средств связи.

В последние годы жизни В. И. Ленина, когда он уже был серьезно болен, по рекомендации врачей на крыше этого здания оборудовали небольшую застекленную площадку. В резиденции Президента России таких площадок не будет. Вместо них сделаны несколько небольших зеленых уголков для эмоциональной разгрузки.

Третий этаж дворца – жилые помещения и зона отдыха. Здесь находится камерный театр приблизительно на пятьдесят мест, выставочные залы, личные апартаменты Президента, которые включают спальню, домовую часовню, небольшой кабинет, личную библиотеку.

Апартаменты рассчитаны на всю семью Президента. На женской половине тоже есть гостиная, спальня с кроватью под балдахином, тренажерный зал, ванная комната с джакузи.

Как и президент США, президент России заимел свою лужайку. Она находится во внутреннем дворе здания. Там же оборудован парадный подъезд, где, как предполагается, глава государства после полного выздоровления будет встречать высоких гостей.

Во время конференции «семерки» в апреле 1996 года главы ведущих мировых держав прошли по свежестроенным залам и единодушно поздравили Президента России. Гости не без зависти отметили, что главная резиденция президента России по своим размерам, комфортности и ка-

честву отделки значительно превосходит как американский Белый дом, так и Елисейский дворец в Париже.

Москва, ноябрь 1991 года

Несколько дней после ново-огаревского заседания Горбачев не мог остыть. Он с подробностями рассказывал о всех его перипетиях тем членам своего окружения, которых не было на заседании, как бы вновь переживая драматические моменты борьбы.

– Я был совершенно спокоен, – говорил он своим помощникам. – Я не боялся ничего потерять и поэтому чувствовал себя свободным от любого давления. Я следовал только своей убежденности и сказал им это. Сказал, что они не свободны, раз оглядываются на чужие мнения, на чьи-то настроения и амбиции. И они поняли, что я действительно уйду, если они не примут мои аргументы.

Я согласен строить любой Союз – федеративный, конфедеративный, какой хотите, но строить, а не разваливать. И когда они поняли, что я говорю всерьез, то растерялись и сразу потребовали перерыва...

Горбачев, по-видимому, искренне наслаждался новым для него ощущением свободы. Ощущением человека, бескомпромиссно поставившего на карту свою судьбу ради достижения цели. Было видно, что после долгих лет политического лавирования, тактических маневров, приспособления и подчас двусмысленных компромиссов, он с немалым опоз-

данием открыл для себя наслаждение от свободно высказанных слов и с изумлением констатировал, что риск и прямота могут иногда принести больше результатов, чем хитроумные политические маневры.

Своими впечатлениями от недавнего заседания Госсовета Горбачев широко делился с зарубежными гостями, посещавшими его в эти дни. В беседе с министром иностранных дел Индии Соланки он сказал:

– У нас была трудная дискуссия, но в конце концов все пришли к мнению о необходимости строить единое государство с общим экономическим пространством, территорией, гражданством. На страну надвигается самый трудный 1992 год, в течение которого надо будет во что бы то ни стало удерживать ситуацию...

Встреча с индийским министром, как и последовавший за ней визит эмира Кувейта дали ему возможность не только обратиться к руководству этих стран с очередным призывом оказать Советскому Союзу посильную помощь, но и подтвердить постоянство советской внешней политики, по крайней мере пока он несет за нее ответственность.

Как обычно в ходе подобных встреч, Горбачев разговаривал наполовину сам с собой:

– В нашей перестройке одновременно сошлись три различных процесса – реформирования отношений собственности за счет разрушения государственного монополизма и

включения действия нормальных экономических стимулов; политической реформы, заменяющей монопольное господство компартии на демократическую плюралистическую систему, основанную на уважении и защите прав человека; и, наконец, трансформации унитарного многонационального государства в свободный, добровольный союз народов, реализующих свое право на самоопределение и суверенитет.

В каждой из этих «мини-революций» наблюдается игра политических страстей и столкновений интересов, проявляют себя сторонники крайних взглядов. Для того чтобы если не примирить их, то хотя бы удержать от столкновения, требуется все искусство Иисуса Христа... или, если хотите, Аллаха, – сказал он, вспомнив о собеседнике, кувейтском эмире. – Трудно идут эти процессы, даже тяжело, – неожиданно пожаловался Горбачев и тут же, преодолев минутную слабость, патетически закончил: – Зато для политиков это время ответственности и поступков!

Гости с почтением выслушивали его исповедальные высказывания, выражали восхищение «героическими усилиями по спасению Союза», солидаризировались с позицией центральной власти, осуждали сепаратистов. Эмир высказал убежденность в том, что рано или поздно республики поймут, что отделение от Союза не в их интересах. Чтобы не поощрять сепаратистских тенденций в отдельных среднеазиатских республиках, он обещал Горбачеву воздержаться от поездок в этот регион.

Перед лицом такой по-восточному пылкой демонстрации солидарности Горбачев расчувствовался и сказал, что готов разделить сожаление, высказанное президентом Сирии Хафизом Асадом, что киевский князь Владимир при выборе религии для своего будущего государства не остановился на мусульманстве. Придя в хорошее расположение духа, он на ходу симпровизировал сцену, в которой князь со своими мусульманскими гостями уже собрались было торжественно отпраздновать заключение духовного союза и перешли в трапезную, где были накрыты столы. Но тут внезапно выяснилось, что Коран запрещает спиртное. Князь Владимир немало сконфужен, но тем не менее твердо заявил, что его народ не примет такую религию. Так расстроилась «сделка тысячелетия»...

Прощаясь с эмиром, Горбачев многозначительно произнес:

– Приветствую ваше желание видеть Советский Союз единым государством. Думаю, это произойдет раньше, чем вы создадите единое арабское...

Неужели угадал?

Выиграв важный для него раунд борьбы на Госсовете, Горбачев принял неожиданное решение – закрепить его результаты поездкой по стране. Непосредственным толчком, по-видимому, стал пришедшийся на этот период официальный визит Ельцина в Германию. Представляя себе, насколько

ко легко будет российскому президенту заполнить собой телеэкран и сводки новостей, и заранее завидуя ему, Горбачев решил поквитаться с ним его же оружием – поездкой «в глубинку».

К тому же перед решающими боями за Союз ему хотелось проверить температуру в обществе, выяснить на местах отношение людей к его программе обновления, к реалиям рыночной экономики и самое главное – к нему самому. Это была первая «пристрелка» к будущей избирательной кампании по выборам президента, в результате которой он надеялся наконец получить недостающий ему общенародный мандат, позволявший разговаривать с Ельциным и другими республиканскими лидерами «на равных».

Маршрут был избран не из легких – сердцевина Сибири (Иркутск и Байкал), Киргизия, возглавляемая неординарным демократическим лидером Аскар Акаевым. Решение о поездке было принято настолько стремительно, что с программой первого дня пребывания в Иркутске Горбачев знакомился уже в самолете.

В этой поездке он намеревался вести себя и выглядеть по-новому. Вот почему впервые на борт президентского самолета были приглашены журналисты, не сразу поверившие своей профессиональной удаче.

Ночной полет в Сибирь был долгим. Вскоре после взлета журналистов пригласили в президентский салон. Именно

тогда в двухчасовой исповедальной беседе Горбачев произнес слова, которые могли бы стать девизом его уникальной политической карьеры:

– Совесть моя чиста. Впервые в истории страны была предпринята попытка ее цивилизованно очеловечить... Главное – это то, что этап разрушения закончился, демократы взяли верх. Теперь более ответственная и трудная задача: созидание.

И начал перечислять: надо сделать первое, второе... четвертое...

Один из журналистов удивленно спросил:

– Где же вы это все хотите сказать?

Горбачев помолчал, потом неожиданно грустно усмехнулся и ответил:

– А нигде...

В один из таких откровенных разговоров Горбачев вспомнил свою недавнюю встречу с президентом США. Буш засыпал его вопросами:

– Каковы реальные шансы, что Ваш замысел удастся осуществить? Как надо расценивать действия Украины? Как воспринимать последнюю речь Ельцина о сокращении в десять раз общесоюзного МИДа? Не собирается ли он подрезать Вам крылья?

Горбачев ответил на вопросы вопросом:

– Скажите, Джордж, вы восемь лет были вице-президен-

том, четвертый год на посту президента. Все это время мы с Вами знакомы. Был ли за эти годы хотя бы один случай, когда бы я дал слово и не сдержал его?

Буш ответил сразу, без колебаний:

– Нет, ни разу.

Горбачев удовлетворенно кивнул и закончил:

– А вот мне во взаимоотношениях с республиканскими лидерами нередко приходится сталкиваться с обратным. Такова специфика момента, который мы переживаем...

Он многое рассказал о себе в ту ночь журналистам и под конец беседы на вопрос, как относится к его работе мать, ответил:

– Наверное, как любая мать на ее месте. Она мне не раз говорила: «Зачем ты связался со всем этим...»

Встречи с журналистами во время многочисленных переездов и перелетов создавали у Горбачева ощущение, что через них он постоянно говорит со всей страной. Но это было уже не так. Его выступления перед рабочими, депутатами и военными в Иркутске, учеными и чабанами Кыргызстана едва достигали Москвы и в куцем, лаконичном виде излагались газетами. Пресса не скрывала подозрительного отношения к истинным мотивам поездки президента, усматривая в ней продолжение политического противостояния Горбачева с Ельциным. Информацию о поездке «Известия» опубликовали под заголовком: «Битва за Москву: Ельцин в Германии,

Горбачев в Сибири, народ в очередях»...

Так случилось, что самолет Горбачева возвращался в Москву из Бишкека за час до прилета Ельцина на этот же аэродром из Германии. Возник, как иногда говорят, «дипломатический момент». Дисциплинированный поверенный в делах ФРГ, заранее прибывший во Внуково-2 для встречи Ельцина, не знал куда спрятаться.

В правительственном аэропорту было холодно – почему-то не включили отопление. Встреча Горбачева с ближайшим окружением (обычно оформлявшаяся как заседание политбюро) из-за холода и неумолимо, как шаги командора, приближавшегося самолета российского президента была скомкана. Собеседники рассеянно слушали президента, воодушевленно рассказывавшего о результатах поездки, и разъехались с облегчением.

Через два дня Горбачеву предстояло пройти главное испытание – решающее заседание Госсовета, назначенное для парафирования текста Союзного договора...

Ново-Огарево, 25 ноября 1991 года

Этот день, который мог стать датой рождения нового Союза – с самого утра характеризовала атмосфера торжественной приподнятости. В преддверии Госсовета, на котором президент и республиканские лидеры должны были парафировать согласованный текст будущего договора, протокольная и хозяйственная службы развили бурную активность. По аналогии с подписанием Договора об экономическом Сообществе они планировали организовать такую же пышную публичную церемонию. Для этого в Ново-Огарево был доставлен уже сослуживший свою службу круглый стол, обрамленный флажками различных республик. Туда же были подтянуты телевизионные камеры, приглашены журналисты.

Казалось, организаторы предусмотрели все... Но праздника не получилось. Что же произошло в Ново-Огареве, за две недели до Беловежской Пущи?

Версия Горбачева

М. Горбачев: – В канун референдума на Украине ситуация быстро менялась. Я вновь и вновь ссылался на состоявшуюся 14 ноября 1991 года договоренность с семью республиками, приводил аргументы в пользу союзного конфедеративного государства. Дискуссия дошла до такого накала, что я

сказал: хорошо, я уважаю вашу позицию, но согласиться не могу. И пошел к себе в кабинет, предоставив коллегам сделать выбор без меня.

Через какое-то время ко мне пришли Ельцин и Шушкетвич. Принесли проект решения Госсовета относительно проекта Союзного договора, в принципе – в том виде, в каком он был согласован 14 числа. Там, как известно, речь шла о том, что Союз Суверенных Государств – это конфедеративное демократическое государство. Я внес свои замечания в проект решения, Ельцин и Шушкевич согласились, мы вернулись в зал заседания, продолжили обсуждение, редакционную работу над проектом решения Госсовета. Затем все расписались. В этом решении было сказано: «...направить разработанный Госсоветом Договор на одобрение парламентов», имея в виду затем после этой процедуры окончательно подписать Договор...

Должен, однако, признаться, что дискуссии и вообще то, что произошло на Госсовете 25 ноября, оставили у меня на душе тяжелый осадок. Мне показалось, что не зря Б. Ельцин, отбросив нашу договоренность по главным вопросам нового Договора, вдруг публично вытащил на свет Божий тезисы из прошлого, опрокидывающие все согласованные положения...

Версия Ельцина

Б. Ельцин: – Драма наступила 25 ноября, когда в Ново-Огареве, открывая очередное заседание глав государств, Горбачев сообщил прессе, что участники встречи собрались для парафирования договора. На самом деле договор еще не был готов к парафированию...

Заявление Горбачева о парафировании заставило руководителей республик внести коренные поправки в текст договора. Главным образом они касались смещения оставшихся полномочий от центра к республикам. Президент СССР пытался сначала мягко уговаривать, потом стал нервничать, раздражаться. Его слова не помогали, лидеры республик упрямо требовали все большей независимости от центра, ни мягкость, ни настойчивость, ни жесткость Горбачева уже ничего не могли сделать с почувствовавшими вкус свободы руководителями союзных республик. Когда Горбачев в очередной раз попробовал настоять на своей формулировке и снова все дружно как один ее отвергли, он не выдержал – вскочил из-за стола и выбежал из зала заседаний.

И именно в этот момент, когда на какое-то время в зале наступила тяжелая, гнетущая тишина, все вдруг поняли: здесь мы собираемся в последний раз. Ново-огаревская эпопея подошла к концу. И в этом направлении движения нет и не будет. Надо искать, придумывать что-то новое.

Оправившись от удивления и растерянности, все потихоньку заговорили. Скандал никому не был нужен. Внизу журналисты с нетерпением ждали известий с заседания, обещавшего стать историческим. Уже понятно, что историческим оно не будет, но хотя бы приличную мину необходимо соблюсти. Убежавшего президента надо вернуть. Никому не хотелось этого делать. Попросили меня и Шушкевича сходить за ним. Мы поднялись, пошли в его кабинет, сказали: «Михаил Сергеевич, давайте работать, надо же вместе искать выход». Он, видимо, ждал нашего прихода, тут же встал, пошел с нами. Заседание продолжилось.

Компромиссный проект, который мы приняли, никто подписывать не стал. По сути, это и был приговор ново-огаревскому документу. Официальная версия была следующая: договор отправляется на обсуждение Верховных Советов республик, и после одобрения ими проекта он официально будет подписан главами республик и Президентом СССР.

В отличие от прошлых встреч на пресс-конференцию никто из нас не пошел. Горбачев один выступил перед журналистами, рассказал об успехе прошедшего заседания, сообщил, что 20 декабря, он надеется, новый Союзный договор будет торжественно подписан...

А события следующих дней еще острее изменили ситуацию. 1 декабря на Украине состоялся референдум, на котором народ республики единодушно проголосовал за свою независимость. Затем Леонид Кравчук однозначно заявил,

что его страна не будет участвовать в ново-огаревских договоренностях. Это была уже окончательная жирная точка в длинной истории горбачевской попытки спасти разваливающийся Советский Союз...

Версия Бурбулиса

Г. Бурбулис: – Для руководящего эшелона российских лидеров, поднятый августовской революцией к власти, искусственность и временность союза с Горбачевым была очевидна с самого начала. Рано или поздно к этой мысли должен был прийти и сам Ельцин: не только не уступать власть союзному президенту, но и не делить ее с ним. После того, как он естественным образом утвердился в этом, остальное уже было делом более или менее умелой тактики.

Разумеется, идеальным для российского руководства было бы заполучить «алиби» в вопросе о его отношении к судьбе Союза. Первый приход Ельцина на заседание Госсовета со сравнительно «мягкими» поправками к согласованному с ним самим проекту Союзного договора имел целью прозондировать ситуацию и попробовать достичь этого с минимальными для престижа и репутации российского лидера издержками.

Такой «минимальный» вариант Ельцину не удался. Врученные ему поправки, предполагавшие отказ от единой союзной Конституции и общенародно избираемого президен-

та, не принесли окончательного разрыва с идеей единого централизованного государства. Аппаратное тактическое мастерство Горбачева не только сохранило концепцию союзного государства, но привело к тому, что не кто иной, как сам Ельцин, оповестил страну и весь мир о предполагаемом образовании единого конфедеративного государства.

После возвращения российского президента с этого заседания перед лицом неотвратимого укрепления позиций союзного президента, в которому к тому времени вновь вернулись такие «киты» первого этапа перестройки, как Яковлев и Шеварднадзе, мы решили поднять ставки и убедили своего президента забрать обратно на очередном заседании Госсовета то, что он неоправданно великодушно «подарил» Горбачеву на предыдущем...

Версия Грачева

А. Грачев (в тот период – пресс-секретарь президента СССР): – Заседание Госсовета 25 ноября началось с сенсационного заявления Ельцина о том, что в российской позиции возникли «новые моменты», которые не позволяют ему парафировать проект договора в представленном виде. «Разговоры в комитетах Верховного Совета показывают, что российский парламент не готов ратифицировать концепцию единого союзного, даже конфедеративного государства. Нас больше устроила бы формула Союза как конфедерации де-

мократических государств. Давайте вернемся к этому вопросу или отразим оговорки России в отдельном протокольном заявлении».

Горбачев не мог поверить своим ушам:

– Но тогда мы опрокинем то, о чем уже договорились. Мы ведь в прошлый раз несколько часов обсуждали все эти формулировки. Оповестили страну о том, что выработали сообща. Начинать все сначала просто несолидно, не говоря уже о том, что у нас есть вполне определенный мандат съезда.

На выручку Ельцину поспешил В. Шушкевич – тот самый, кто был инициатором предложения о парафировании текста президентами для того, чтобы гарантировать его безболезненное «прохождение» через парламенты. Сейчас его аргументация была совсем иной: мы не успели показать текст будущего договора в комиссиях парламента. По одной этой причине там могут найтись недовольные. Давайте отложим парафирование.

Горбачев наконец понял, что ему противостоит согласованная позиция по крайней мере нескольких республиканских президентов, и решил принять бой:

– То, что вы затеваете, – сказал он, обращаясь к Шушкевичу, но на деле адресуя свои слова Ельцину, – это не просто проволочка. Вы отвергаете то, о чем все договорились, разрушаете саму основу будущего документа.

Вокруг антагонистических позиций Горбачева и Ельцина начали складываться свои альянсы. Первым на стороне со-

юзного президента выступил вице-президент Казахстана, заменявший на этом заседании Назарбаева:

– Мы за формулу, согласованную на прошлом заседании, то есть за конфедеративное союзное государство, а не за какое-то облако в штанах.

По другую сторону в лагере Ельцина развернул свой штандарт узбекский лидер Каримов:

– Нельзя парафировать этот текст до тех пор, пока его не обсудили в комиссиях парламента.

Было забавно наблюдать, как быстро вчерашние партийные самодержцы научились пользоваться механикой демократии для политической игры и усиления своих позиций в противостоянии центру.

Горбачев решил идти ва-банк:

– Если с этого заседания выйдем без парафированного общего текста, последствия могут быть непоправимыми. Страна находится в хаосе, а вы начинаете маневрировать.

Белорусский лидер постарался снизить уровень противостояния с политических высот до почти технического уровня. По его словам, все дело сводилось к отсрочке «на каких-нибудь 10 дней» процедуры парафирования текста, в который в любом случае не будет внесено существенных изменений. После этого «Белоруссия без проблем подпишет и ратифицирует договор».

Был ли он к этому времени в курсе того, что через 10 дней сама перспектива дальнейшего существования Союза будет

перечеркнута во время совещания трех президентов, которое состоится на его территории, а сам он неожиданно станет «управляющим делами» нового образования, создаваемого на месте Союза?

Ельцин в этой ситуации несколько «сдал назад», объяснив, что речь не идет об отказе от согласованного текста – его можно направить все республикам, сопроводив лишь протокольной записью с новыми замечаниями. Похоже, его заботила необходимость во что бы то ни стало выполнить имевшийся у него мандат.

Как всегда в подобных случаях, ощутив неуверенность в позициях своих оппонентов, Горбачев немедленно повысил ставки:

– В таком случае я вижу свою роль исчерпанной, но предупреждаю: то, что вы делаете, нанесет огромный ущерб стране и нашему государству.

Перед лицом этого непредвиденного поворота событий члены Госсовета, включая Ельцина, начали его успокаивать: не надо, мол, горячиться и излишне драматизировать ситуацию – ведь в конце концов текст, представляемый в республиканские парламенты, будет прежним.

Прежде чем дать себя уговорить, Горбачев выдвинул свои условия: обратиться к парламентам и стране надо с единым документом. Кроме того, члены Госсовета должны взять на себя обязательство защищать и отстаивать его в ходе обсуждения. В этом, и только в этом случае он считал возможным

заменить парафирование текста принятием общего решения по данному вопросу членами Госсовета.

Началось уточнение деталей компромисса. Ельцин предложил в решении Госсовета упомянуть об «одобренном в принципе» тексте договора, доводку которого можно поручить делегациям отдельных республик.

Шушкевич решил подпустить демократическую нотку:

– Мы ведь не совет диктаторов.

На что немедленно получил колкую реплику Горбачева:

– Вдевятером диктаторами не бывают.

Ельцин вытащил аргумент из «стратегического резерва»: парафировать текст без Украины неразумно:

– Мы их подтолкнем на решения, которые окончательно развалят Союз.

Горбачев был готов к «украинской теме». Его тезис – если не хотим поощрять сепаратистов, надо прежде всего самим занять четкую позицию. Кроме того, в ситуации с Украиной нет ничего нового. И на предыдущем заседании Госсовета было известно, что 1 декабря там будет референдум. И вновь, как заклинание, повторил:

– Если не одумаетесь, будет беда.

Сам он, по его словам, не намерен был связывать себя с дальнейшим хаосом.

Шушкевич продолжал умиротворять президента, утверждая, что буквально через 10 дней парафированный им текст, к которому нет «категорических поправок», будет ра-

тифицирован Белоруссией: «Просто раньше не получается».

Наиважнейшим из факторов в ту пору были, конечно, будущие результаты украинского референдума. Победа Кравчука представлялась бесспорной, хотя он и продолжал до последнего дня разыгрывать карту реальной опасности того, что его может обойти экстремистски настроенный кандидат западно-украинских националистов Черновил. Эту, явно преувеличенную, опасность он искусно использовал в своих интересах и во взаимоотношениях с Москвой, и в последних залпах предвыборной борьбы на Украине, представляя себя в глазах внушительного контингента русского и прорусски настроенного населения республики как идеального кандидата, способного наилучшим образом наладить отношения с Москвой.

И хотя на деле его избрание было обеспечено, оставалось неясным, насколько внушительным будет полученное им большинство и, главное, проголосует ли это большинство с такой же покорностью за будущую независимость Украины от России – и тем самым не только изберет президента, но и предоставит ему свободу рук в интерпретации формы этой независимости.

Сложившаяся ситуация была труднопредсказуемой, и именно это заставляло республиканских лидеров, и прежде всего Ельцина и Шушкевича, тянуть время.

Чувствовал переломный характер этой ситуации и Горбачев и именно поэтому проявлял при обсуждении вопроса о

Союзном договоре ранее столь не свойственную ему неприимиримость:

— Я вынужден констатировать, что руководители республик в наиболее ответственный и даже опасный момент занимаются политическими маневрами, меняют свои собственные позиции. В этих условиях они должны были бы сказать откровенно, что не хотят больше Союза. Я лично думаю, что, поступая таким образом, идя на то, чтобы угробить государство, вы берете на себя исключительно тяжелую ответственность.

Горбачев старался как мог: он взывал и к ответственности, и к здравому смыслу республиканских «бояр», привлекал в союзники зарубежных партнеров и общественное мнение внутри страны («уверен, народ нас поддержит»), проводил юридические аргументы и пытался устыдить тех, кто менял свою позицию на 180 градусов.

Чувствуя, что все его усилия разбиваются о жесткую, заранее сформулированную и, может быть, даже согласованную позицию, он устало сказал:

— Ну что же, наверное, вам как представителям республик есть смысл поговорить между собой. Как я вижу, президент вам уже больше не нужен.

Однако это была не капитуляция, а еще один, последний способ встряхнуть, даже припугнуть мятежников.

На этот раз Горбачев не блефовал и не шантажировал своей отставкой, как это бывало на пленумах ЦК, — он был к

ней внутренне готов, однако считал, что должен сражаться до конца и «дорого продать» свой уход, если его к нему вынудят.

— У меня чувство глубокого разочарования, — сказал он, подводя итог нескольким раундам обсуждения. — Я не понимаю, как вы собираетесь дальше жить — ведь, создав богадельню вместо единого государства, вы замордуете общество. Мы уже и так захлебываемся в дерьме. (Это вырвавшееся у него и крайне редкое для Горбачева «крепкое» выражение показывало, насколько он внутренне возбужден.) Вот увидите, сразу за вами придут силы, программа которых будет состоять из трех строк: отменить все законы и конституцию. В общем, подумайте сами, но учтите, что если вы отвергнете вариант конфедеративного государства, то дальше двигайтесь без меня.

Он резко встал и направился к выходу, и уже на ходу, для того чтобы не превращать свой выход из комнаты в уход из Госсовета, бросил: «Перерыв».

Вместе с ним поднялись и вышли из зала его помощники, эксперты, руководитель аппарата Г. Ревенко и союзные министры — Е. Шапошников и Э. Шеварднадзе.

Процессия спустилась по лестнице на первый этаж и расположилась в гостиной, носившей название Каминного зала. Наверху остались республиканские президенты. После ухода Горбачева они получили возможность создать то самое содружество независимых государств, ради которого две неде-

ли спустя три «славянских» лидера уединятся в беловежском лесу.

В гостиной разгоряченный только что проведенным боем Горбачев «разрядился»:

– До сих пор никак не вылезут из популизма. – Это было сказано в сердцах по поводу оставшихся наверху, но относилось, разумеется, к одному из них – Ельцину.

Тем не менее пассивно ждать дальнейшего развития событий Горбачев не мог и начал вместе с помощниками формулировать свой вариант решения Госсовета по первому вопросу. Он сводился к тому, чтобы взамен парафирования текста договора сопроводить его коллективным обращением всех членов Госсовета к республиканским парламентам с просьбой рассмотреть договор и сформировать полномочные делегации для его подписания. Формулировку президента отправили «наверх». Через некоторое время оттуда явилась депутация – Б. Ельцин и В. Шушкевич, которым было поручено передать президенту республиканский вариант компромисса. В главном проекты совпадали.

Войдя в гостиную, Ельцин с вызовом сказал:

– Ну вот, нас делегировали на поклон – к царю, к хану.

Чувствовалось, как задевала его самолюбие эта парламентская миссия. Горбачев оценил усилие, сделанное Ельциным над собой, и примирительно сказал:

– Ладно, ладно, царь Борис.

Общую формулировку выработали быстро. В ней упомина-

нули, что, представляя согласованный текст на рассмотрение парламентов, члены Госсовета исходят из того, что договор будет подписан и ратифицирован до конца текущего года.

После этого, возобновив заседание, еще раз «прошлись» по самому проекту. На этом этапе Ельцин согласился не требовать исключения из него формулы конфедеративного союзного государства. Имелось в виду, что эта и другая поправки будут обсуждены в парламентах.

Зато по общему согласию были укреплены полномочия Госсовета – его решения отныне должны были стать обязательными для исполнительной власти (то есть для тех самых президентов, которые в течение нескольких предыдущих часов отчаянно бились за то, чтобы лишить центр какой-либо власти над ними). Однако эти формальные противоречия никого не смущали. Было очевидно, что окончательное разыгрывание партии отложено, что столь ожидаемое Горбачевым подписание договора в очередной раз отодвигается, подобно линии горизонта, и что демократическое «конфедеративное государство», не успев стать реальностью, начало таять, как мираж в пустыне.

Это лишний раз подтвердила пикировка между Ельциным и Шеварднадзе по вопросу о функциях союзного МИДа. Шеварднадзе впервые участвовал в заседании в качестве министра иностранных дел. Поскольку назначение на этот пост он в течение продолжительной беседы с глазу на глаз согласовал с российским президентом, около которого, кста-

ти, провел решающую ночь в Белом доме во время августовского путча, то считал, что вправе рассчитывать на режим большего благоприятствования, чем его предшественник на этом посту – Борис Панкин.

Однако попытка Э. Шеварднадзе расширить поле деятельности союзного МИДа, обозначенное в тексте договора, встретила ледяной прием со стороны Б. Ельцина, который взял назад даже данное им недавно обещание не создавать собственные российские посольства.

После того как все члены Госсовета поставили свои подписи под совместным коммюнике, означавшим скорее эпитафию Союзу, чем провозглашение «нового смелого мира», Горбачев предпринял попытку повторить коллективный выход к прессе, который после предыдущего заседания совета вдохнул во всех надежду. Однако второй раз заставить себя врасплох ни Ельцин, ни другие «республиканцы» не дали. Горбачеву пришлось выдержать натиск изголодавшейся прессы в одиночку, и, лишенный необходимости оглядываться на своих коллег по Госсовету, он не скрывал своего разочарования, подтвердив, что на нынешнем заседании республиками был сделан шаг назад от Союза. В конце концов, у него больше не оставалось других союзников, кроме общественного мнения того, что уже перестало быть государством, но еще, безусловно, оставалось единой страной.

День рождения «шоковой терапии»

Вторая часть заседания была посвящена подготовке к началу экономической реформы в России. О планах российского руководства Горбачев попросил рассказать Б. Ельцина. Тот сообщил о намерении «освободить», начиная с 16 декабря, цены на основные товары, за исключением энергоносителей и отдельных продовольственных товаров, включая водку.

Началось обсуждение.

Предполагаемый рост цен в сочетании с такими легко прогнозируемыми проблемами структурной перестройки экономики, как массовая безработица, должен был, по подсчетам специалистов из команды Гайдара, привести к снижению жизненного уровня в стране в целом на одну треть. Для общества с полуразрушенной экономикой, значительная часть которого и без того балансировала на грани выживания, это могло означать уже не экономическое бедствие, а социальную катастрофу.

– Мы считаем, другого выхода нет, – решительно сказал Ельцин. – Главное – удержать людей от выхода на улицу, хотя, может быть, не везде это удастся.

Руководители республик понимали, что разведший пары локомотив российской реформы уже практически невозможно остановить. В то же время для большинства из них –

особенно для среднеазиатских республик – свободные цены в России при их зависимости от российской нефти и рубля означали смертельную угрозу. Не оспаривая намерений россиян, лидеры республик просили лишь с учетом их неподготовленности к такому потрясению отсрочить начало реформы – это дало бы им дополнительное время для выработки мер защиты населения.

Горбачев был доволен тем, что свел российского президента лицом к лицу со сложной и противоречивой реальностью огромной страны, но удержался от того, чтобы взять сторону других республик:

– Страхочные шаги нужны, однако затягивать дело тоже нельзя. Делайте, что сможете, но только ради Бога, делайте хоть что-нибудь!

Для экспертной оценки последствий шагов российского правительства на заседание был приглашен Григорий Явлинский – автор программы «500 дней», поддержанной двумя президентами, но впоследствии принесенной в жертву Горбачевым под совместным нажимом правительства Рыжкова и общесоюзного парламента. Сейчас основные идеи этой программы, но только в значительно ухудшившемся экономическом контексте, самым безжалостным для населения образом готовилась проводить в жизнь подобранная Ельциным молодежная команда сторонников «шоковой терапии».

Используя весь свой опыт политической и аппаратной дипломатии, Явлинский обрисовал удручающую перспекти-

ву разваливающейся экономики, с тяжелейшим спадом производства и социальными потрясениями.

– Можно ли еще успеть выпустить парашют? – спросил его Горбачев.

– Для этого надо было бы догнать того, кто уже летит вниз, и надеть парашют на него, – ответил Явлинский.

Горбачев и теперь остался верен своей роли искателя компромиссов. Он поддержал решение российского президента ускорить реформу: «Если ее не делать, дальше все равно банкротство». Попросил еще раз продумать сроки и последовательность ее этапов и предостерег от злорадства по поводу возможной неудачи правительства Ельцина.

– Сорвется реформа в России – она умрет во всем Советском Союзе. Вот почему неправы те, кто говорит про себя: пусть Ельцин сломает себе голову.

Под занавес заседания он огласил телеграмму, только что пришедшую от азербайджанского лидера Муталибова. Тот обращался к Госсовету с просьбой принять срочные меры, чтобы защитить его республику от «агрессии со стороны Армении». Телеграмма позволяла Горбачеву хотя бы задним числом подчеркнуть свою роль в межреспубликанских отношениях. Получив коллективный мандат от членов Госсовета, Горбачев связался с президентами Армении и Азербайджана по телефону и пригласил их приехать через день в Москву для обсуждения обострившейся обстановки.

Закончилось заседание еще одной, быть может послед-

ней, попыткой союзных республик отстаивать свои права перед «старшим братом» – Россией. Как выяснилось, под горячую руку, хотя, может быть, и с холодной головой, при тотальной «национализации» предприятий и учреждений, размещенных на территории России, были переведены под российскую юрисдикцию печатающие деньги фабрики Гознака.

Защищаясь от упреков в «самозахвате» этих стратегических объектов, обслуживающих весь пока что весь еще не ликвидированный Союз, Ельцин сослался на то, что Россия берет под свою опеку лишь их «материальную часть» и вопросы социального обеспечения рабочих, но при этом будет исправно выполнять заказы союзного Госбанка. Его аргументы никого не убедили. Отступая перед дружным возмущением руководителей республик, насупившийся Ельцин согласился временно оставить «денежное производство» в руках союзного центра.

Оставив над поверхностью неумолимо прибывающей воды этот крошечный символический островок общесоюзного пространства, над которым еще мог развеяться красный флаг СССР, члены Госсовета поздней ночью разъехались из Ново-Огарева, чтобы больше никогда сюда не вернуться...

Проводив «гостей», Горбачев оставил на ужин свою рабочую бригаду, включая Явлинского. Последняя новоогаревская вечеря была скромной и выглядела как товарищеский ужин. Никто не заботился о президентском протоколе, потому что все, включая самого президента, беспредельно уста-

ли. Ни у кого не было веселого настроения, которое сопутствует окончанию хорошо выполненной работы. Ощущалась общая подавленность. Каждый по-своему чувствовал и понимал, что Союз подходит к концу...

Украина, 1991 год

Обстоятельства складывались так, что судьба Союза ССР во многом зависела от позиции Украины. Одни надеялись с помощью Украины сохранить Советский Союз, другие – использовать особую позицию руководства этой республики как таран в разрушении Союза.

Обстановка в этой республике, считавшейся одной из наиболее надежных звеньев Союза, к тому времени коренным образом изменилась. Сразу после отзыва в Москву первого секретаря ЦК КПУ В. Ивашко поддерживавший его блок депутатов в парламенте раскололся, коммунисты деморализовались. Новый Председатель Верховного Совета УССР Л. Кравчук пошел на тесное партнерство с Рухом и возникшими из него националистическими партиями, взял курс на самостоятельную Украину.

А. Гливаковский (политолог, журналист): – Центр фактически обеспечил самостоящикам зеленую улицу. Учитывая, что партийная и советская печать муссировала в основном тему верности социалистическому выбору и лишь время от времени огрызалась на совсем уж дикие выпады Руха, сепаратистская националистическая печать получила монополию на пропаганду идей, на заполнение возникшего идеологического и духовного вакуума.

Пропаганда же общерусской исторической памяти – более чем трехсотлетнего совместного существования малороссов и великороссов в едином российском государстве, их обоюдного и часто равнозначного участия в создании русской культуры и еще многого другого, которая быстро бы все расставила на свои места и показала бы всю нищету сепаратистской идеологии и философии, – такая пропаганда практически не велась. На нее, надо полагать, ни центр, ни ЦК КПУ «не дали санкции».

Главным объектом ударов сепаратистов был не марксизм-ленинизм (напротив, почти все украинские писатели в то время били поклоны Ленину), а русская идея, русская культура, русский язык и даже русский народ. Националистическая ложь и клевета в так называемых «перестроечных», а на деле оголтело сепаратистских органах печати достигла беспредела. Жовто-блакитная публицистика соревновалась с ядовито-желтой публицистикой центра. Любая же попытка поставить зарвавшихся самостийников на место немедленно квалифицировалась как великодержавный шовинизм и даже русский фашизм...

Вскоре последовали литовские события – попытка установить в республике чрезвычайное положение. Кто-то предупредил об этом по телефону Ландсбергиса из самых верхов, и эта затея с треском провалилась. Ландсбергис, к тому времени быстро терявший политический рейтинг, восстано-

вил свои позиции и объявил о полном разрыве с Союзом. Литовские события породили на Украине волну оголтелого национализма.

И вот на этом фоне союзное руководство принимает решение о проведении референдума – быть Союзу единым или не быть. Националистически настроенные органы печати тут же представили дело так, что референдум – дело рук консервативных сил, что он-де нужен Горбачеву как президенту Союза для того, чтобы удержать ускользающую власть.

Но даже несмотря на неблагоприятную обстановку, итоги референдума на Украине, в Белоруссии и Казахстане – в республиках, позиция которых имеет решающее значение для сохранения единства страны, были явно положительными. Если брать вторую по значению республику в Союзе – Украину, то чисто украинские области голосовали за Союз еще убедительнее, чем некоторые области со смешанным населением, если не брать в расчет униатскую Галицию, население которой представляет, по сути, отдельный восточнославянский народ. Это было шоком для лидеров Руха, решивших было под впечатлением бурных выступлений львовян, что до самостоятельности рукой подать.

Отметим еще одно интересное обстоятельство. За референдумом, проведение которого казалось «странным и ненужным» «демократически» настроенной Москве, с интересом следил Запад. Если в СССР его итоги по крайней мере по крупным республикам, а также по мусульманским регио-

нам все в общем предвидели и им не удивились, то для Запада (как, кстати, и для Руха) столь убедительное волеизъявление «за Союз» на Украине было неожиданным и охлаждающим. Многие западные органы, в частности во Франции, не могли скрыть своего разочарования и при этом особо отмечали, что эти итоги определяют судьбу Европы на обозримое будущее. Читая западные комментарии, никак нельзя избежать вывода, что «ненужный референдум» был очень нужен Западу по крайней мере для того, чтобы получить достоверную информацию о настроениях в республиках СССР.

Ален Безансон (французский политолог): – Украина стоит ныне перед несколькими возможностями, которые на долгое время определяют ее путь. Она может надеяться собственными силами добиться полной независимости, восстановить исторические границы Украины, а то и вернуть кое-какие территории в Крыму, на Кубани, в Белоруссии и РСФСР, на которые она может иметь исторические права. По достижении полной независимости Украина может также решить вступить в союз – федеративный или конфедеративный – с другими народами, судьбу которых она в прошлом разделяла. Такой союз возможен с Польшей, Литвой и Белоруссией против России, а также с Россией и Белоруссией против Польши и Литвы. Солженицын предлагает третий путь, полагая, что на будущее Украине лучше быть в союзе с Россией в форме улучшенного Переяславского договора.

Будучи французом и западноевропейцем, я не могу высказываться от имени украинцев, однако считаю, что от их выбора в большей мере будут зависеть судьбы Западной Европы. Если Украина действительно вступит в союз с Россией, то эта последняя сохранит статус крупномасштабной силы или же его добьется. По своему населению, территории и богатствам Россия-Украина будет перевешивать не только Германию, но и всю Западную Европу. Она вступила бы в сообщество европейских народов господствующей силой... Однако если Украина вступит в той или иной форме в союз со своими западными соседями (поляками, литовцами, румынами, белорусами), то в Восточной Европе создается мощное объединение, действительный противовес России, которая превратится в среднего масштаба силу, освобожденную от имперских забот, очищенную от коммунизма и способную до конца провести процесс демократизации...

Если согласиться, что Горбачев затеял референдум, чтобы сохранить Союз или остаться у власти, которая от него ускользала, то тогда логично предположить, что, получив «добро» на Союз от основных республик (несмотря на нелюбовь к себе в этих же республиках), он максимально воспользуется волеизъявлением народов СССР для подготовки проекта Союзного договора, который бы гарантировал как минимум прочный федеративный союз четырех основных республик. При этом он мог «отчитаться» перед Западом,

что полностью соблюдал демократию и уважал человеческие права. С точки зрения требований, предъявляемых Западом, такой проект был бы проявлением легитимности, законничества, конституционализма, короче – показателем демократической зрелости перестроившегося коммунистического режима.

Но не тут-то было. Горбачев ни в коей мере не воспользовался итогами референдума, чем еще раз удивил по крайней мере собственную страну. Подготовленный в Ново-Огареве проект Союзного договора предусматривал создание рыхлой конфедерации и фактически предопределял упразднение СССР как государства.

Проект договора был опубликован как раз перед поездкой Горбачева на совещание Большой семерки, на котором должен был, в частности, решаться вопрос о предоставлении СССР крупной помощи. Удивительно, как подгадал Горбачев со своим проектом. Было известно, что «семерка» несмотря на декларированную любовь к советскому президенту решила не раскошелиться. Однако после августовского путча печать обмолвилась о том, что на совещании было принято решение все-таки дать Горбачеву деньги... но только после подписания Союзного договора.

События, связанные с подготовкой и проталкиванием явно неконституционного «конфедеративного» проекта Союзного договора свидетельствуют, с одной стороны, о готовности Запада отстаивать собственные шкурные интересы, хо-

тя бы и вопреки принципам правового государства, а с другой – о решимости Горбачева и других «архитекторов перестройки» не мытьем, так катаньем загнать страну в мировое хозяйство на условиях Запада, даже если ради этого потребуются ее расчленить.

В августе 1991 года объявился ГКЧП и было введено чрезвычайное положение. Повторились литовские события, но уже в масштабе всей страны. Остальное известно. Можно лишь гадать, перевыполнил или нет президент СССР план по децентрализации Союза.

События на Украине тем временем стремительно нарастали. Если быть объективным, приходится признать, что Л. Кравчук работал в интересах националистов, как никакой другой высокопоставленный коммунист Украины. Это он, пользуясь своим руководящим положением, буквально поштучно выбивал автобусы для пресловутой «злуки» 21 января 1990 года. Тогда удалось почти невозможное – дотянуть, пусть кое-как, с большими разрывами, живую цепь от Львова до Киева.

Когда у организаторов Руха возникла мысль напечатать сверх обычного тиража сто тысяч экземпляров «Литературной Украины» с программой движения, бумагу обеспечил опять-таки никто иной, как Кравчук. Он же помог «обойти» цензуру при публикации этой программы, которая дала мощный старт Руху. Без этой помощи Рух навсе-

гда бы и остался группкой местечковых писателей и безвестных сотрудников Института литературы им. Т. Г. Шевченко. Л. Кравчук вел на Украине такую же двойную игру – только с другим политическим вектором, – как и Горбачев в Союзе. Заявляя вслух о своей лояльности социализму и стремлении обновить компартию и тем самым сохраняя за собой поддержку коммунистов, он в то же самое время готовил и укреплял силы самостийников.

После ГКЧП несмотря на запрещение Компартии Украины и выход из нее, Кравчук сохранил контроль над аппаратом КПУ (ведь это он ведь «спасал» его от судьбы аппарата российской компартии), а также партийно-советской структурой, профсоюзами, массовыми средствами информации. Этот факт многое объясняет в ходе подготовки к украинскому референдуму и в тех событиях, которые произошли после него.

Первым делом команда Кравчука учинила грандиозную провокацию в сфере печати. В конце сентября 1991 года председатель Госкомитета Украины по печати Дьяченко издал приказ под номером 102, в котором в числе прочего говорилось, что Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат (в Российской Федерации) за девять месяцев года выполнил поставки газетной бумаги на Украину лишь на 60 процентов, а затем и вовсе их прекратил, из-за чего украинские читатели до конца года – то есть в период подготовки референдума – будут вообще лишены возможности получать

республиканскую прессу. Далее утверждалось, что Украина неоднократно обращалась в соответствующие союзные ведомства, чтобы урегулировать проблему, но без всякого результата. Одновременно подчеркивалось, что снабжение бумагой центральных российских газет, часть тиража которых печатается и распространяется на Украине, осуществляется в полном объеме.

Фактически Россию обвинили в том, что она пытается воздействовать на итоги референдума (чего она, к сожалению, вовсе не собиралась делать) по вопросу о самостоятельности Украины, лишая украинский народ «национального слова» и распространяя через свои газеты «промосковские взгляды». В националистической печати вокруг этого почти балаганного сюжета был поднят невероятный шум.

Между тем все эти обвинения были самой беспардонной ложью. По просьбе киевлян, уже хорошо знакомых с «демократическим» стилем команды Кравчука, редакция газеты «День» обратилась в концерн «Российские лесопромышленники» к ответственному за поставки бумаги на Украину Сенченко (кстати, украинцу по национальности) и упрекнула его в антипатриотизме. Тот был буквально ошеломлен, ибо никто – ни украинские потребители бумаги, ни сам Госкомитет Украины по печати, ему никаких претензий не заявляли. Посчитав, что столь дурные вести его могли как-то миновать, Сенченко тут же связался по другому телефону с директором Кондопожского комбината Федесмером и не без удив-

ления узнал, что комбинат как отправлял, так и продолжает отправлять на Украину бумагу без каких-либо срывов или ограничений и даже более того – в ближайшие дни намерен заключить с издательствами Украины договор о поставках на 1992 год...

Председатель Госкомитета Украины по печати нагло обманул украинских читателей. И хотя его поймали за руку, дело было сделано. Известив общественность Украины о срыве Россией поставок бумаги, Дьяченко без лишних объяснений приказал все наличные бумажные ресурсы, в том числе и предназначенные для выпуска центральных газет, передать тем украинским газетам, которые были включены в его начальственный список. Остальные должны были обеспечивать себя бумагой сами.

Таким образом, он убил двух зайцев сразу: заставил центральные издания резко сократить свои тиражи на Украине и одновременно приструнил все республиканские более или менее независимые газеты. Тем самым была сведена до минимума «нежелательная информация», поступавшая к украинскому читателю через русскоязычные газеты. Украинские же издания общерусской ориентации под угрозой прекращения поставок бумаги были вынуждены все время оглядываться, писать лишь то, что никак не могло разгневать Госкомитет Украины по печати. Эта провокация дала возможность представить Россию как врага, резко подхлестнуть и усилить антироссийскую и антирусскую кампанию.

Следующим шагом команды Кравчука стало принятие законодательства об уголовном преследовании лиц, выступающих против самостийничества. 11 октября парламент Украины принял дополнение к ст.62 УК УССР, в соответствии с которым действия, направленные на нарушение территориальной целостности Украины и распространение с этой целью любых печатных материалов, ведут к уголовной ответственности, а если эти действия совершаются по заданию иностранных организаций и их представителей, то караются десятью годами тюрьмы с полной конфискацией имущества. Этим фактически был реанимирован двойник знаменитой сталинской 58-й статьи, так как любой человек на Украине, распространявший, скажем, такие газеты, как «Русский вестник», «Литературная Россия» или «День», автоматически становился кандидатом в политзаклученные.

Заткнув рот печати и запугав всех несогласных уголовным преследованием, команда Кравчука развязала в республике беспрецедентную по масштабам антироссийскую и антирусскую кампанию. Ее основой лозунг: Россия грабит и объедает Украину, которая производит все в достатке и в огромных количествах. Союз Украины и России – это «союз сала с ножом». Отсоединившись, Украина вмиг окажется под райскими кущами, в некоем сказочном Эдеме, истекающем медом, молоком и салом. А без независимости Украина навсегда останется нищей.

Через все средства массовой информации до звона в ушах муссировалось: в Москву уплывает якобы 128 млрд. рублей. В канун референдума, «Киевская правда» написала, например, что Москва забирает ежегодно у Украины восемь тонн золота и 220 тонн серебра, присваивает себе всю валюту от экспорта украинских товаров в 120 стран мира. Одной электроэнергии, производимой на Украине, продается на 1,2 млрд. долларов, которые полностью прикарманивает опять-таки Россия. Кроме того, «кровожадная» Россия закупает на Украине сельхозпродукцию по заниженным ценам, лишая Украину миллиардов рублей.

При этом от читателя, разумеется, скрывались реальные факты. Не говорилось, например, что Россия в торговле с Украиной в пересчете на мировые цены ежегодно теряет около 7 млрд. долларов. Что Украина ежегодно получает из России более 40 миллионов тонн нефти, и, чтобы закупить такое количество энергоносителей на Ближнем Востоке, ей необходимо как минимум 4,5 млрд. долларов в год. Что Россия теряет миллиарды на поставках на Украину газа, леса, бумаги, изделий химической промышленности по «бросовым» ценам. Все это обнаружилось лишь после развала СССР...

Киев же назойливо твердил, что украинцы живут для других – для русских. И зарабатывают они меньше русских, и строятся у них меньше жилья, и рождается их меньше, чем русских, и умирают они чаще русских. Причем материалы подавались так, что статистические показатели в среднем

по СССР выступали как бы относящиеся к одной России, а среди российских народов исключительно к русским. Подта-совка видна невооруженным взглядом. Однако организато-ры лжи рассчитывали, и не безосновательно, что обыватель не станет особенно разбираться...

И все же эта оголтелая кампания не имела бы успеха, ес-ли бы не всемерная поддержка руховско-партократического са-мостийничества со стороны «демократов» России и Запа-да. Запад усматривал в отделении Украины от России нема-лые политические и экономические выгоды. В политическом отношении курс Запада на откол этой республики был, ви-димо, предрешен объединением Германии, которое поро-дило всеобщий страх англо-американского мира перед воз-можным континентальным блоком Германии и России. Та-кое объединение нанесло бы страшный удар и по экспан-сии в Европу транснациональных корпораций, и по позици-ям Америки в мире, и по амбициям средних европейских держав. Страх этот вызвал мобилизацию всех атлантических сил, прежде всего транснациональных корпораций, делаю-щих ставку пока что на Америку.

Чтобы снять угрозу и обеспечить атлантическую вер-ность объединенной Германии, негласное «мировое прави-тельство» предоставило европейскому и в первую очередь германскому капиталу преимущественное поле деятельно-сти на Украине (а также в других западных республиках быв-шего СССР). Германо-украинское сближение в конце 1991

года – очевидный факт. Отсюда понятна и всемерная поддержка Германией и ЕЭС самостийнических устремлений команды Кравчука вплоть до распечатки для него «предреперендумных» листовок.

У Запада имеется и специфическая экономическая заинтересованность в пристегивании Украины к бывшим странам Восточной Европы. Это вызвано тем, что Запад не только не в состоянии оплачивать модернизацию их экономики, но даже не может полноценно компенсировать их экономические связи с СССР, существовавшие в рамках СЭВ. Поэтому Украина с ее дешевой рабочей силой и все еще значительными по европейским меркам природными ресурсами призвана быть сырьевой и продовольственной базой модернизирующихся Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Болгарии, Румынии и, разумеется, Германии, восточная часть которой ранее была интегрирована в СЭВ. Этот интерес Запада, объективно ведущий к свертыванию передовых отраслей промышленности, связанных с российским военно-промышленным комплексом, совпал с планами самостийников подорвать экономические позиции русскоязычных (и наиболее развитых!) южных и юго-восточных районов Украины, а вместе с этим уничтожить там русскую культуру, вытеснить оттуда русское население, насильственно украинизировать русскоязычных украинцев.

Символом трогательного единства позиций Запада и российской «демократии» в отношении того, как должны про-

голосовать на референдуме жители Украины, стало совместное интервью советолога из Института славяноведения и Восточной Европы при Лондонском университете Виктора Свободы и «матери русской демократии» – тогдашнего советника Ельцина по национальной политике Галины Старовойтовой в газете «Литературная Украина».

Авторы расценили образование СССР в 1922 году как «международное преступление», имевшее «катастрофические последствия мирового масштаба». Не интернациональный социализм, а образование СССР явилось, оказывается, причиной «убийства миллионов людей пулей, голодом и холодом, причиной прихода фашизма к власти в Германии, развязывания мировой войны, и наконец, Чернобыля». Читатели сами должны сделать соответствующий вывод из этого захватывающего дух обличения!

В раскол и растаскивание России и Украины активно подключились российские «демократические» средства массовой информации. Они проявили трогательную заботу о том, чтобы Украина после провозглашения независимости не развалилась и ее восточные и юго-восточные области не присоединились бы к России (этого реально опасались и в ЦРУ). Не было ясности и в голосовании на референдуме в Крыму. Еще 20 января 1991 года в результате волеизъявления крымчан (93 процента голосов) область была провозглашена автономной республикой в составе Украины как субъекта Союзного договора. И хотя Кравчук «милостиво» раз-

решил крымчанам принять закон о двух государственных языках, существовала опасность, что крымчане раскусят его политику и откажутся встать под жовто-блакитный флаг.

И вот, словно повинувшись мановению чьей-либо руки из-за кулис, российские «демократические» газеты стали наперебой писать о том, что «для Украины удержать Крым – вопрос жизненно важный. Если создать прецедент, в открытую дверь могут уйти Донбасс, Одесса и все, кому только вздумается». При этом распространялась заведомая ложь о каких-то территориях, якобы «отрезанных» Россией от Украины и заселенных украинцами: «Если поставить крымский вопрос, автоматически возникает кубанский, ставропольский, воронежский...»

Готовность российских западников предавать национально-государственные интересы русского народа и Российского государства просто беспредельна. Их даже не устраивал так называемый «ничейный» вариант, когда Крым не входил бы ни в Российскую Федерацию, ни в Украину. Известная и популярная русскоязычная газета, широко читаемая в Крыму, накануне референдума откровенно запугивала крымчан нищетой: «Экономисты предсказывают – в случае отсоединения Крыма от Украины падение жизненного уровня достигнет катастрофической отметки. Кому нужна такая независимость?»

В последние дни перед референдумом команда Кравчу-

ка предприняла ряд маневров и акций, призванных воздействовать «точечным образом» на сознание отдельных социальных и национальных групп населения республики.

Была разыграна «колбасная карта» – пряник западной помощи. Смешно читать, как некоторые писатели, ранее немало сокрушавшиеся по поводу колбасной психологии украинцев и призывавшие их не менять украинскую мову (язык) на колбасу и сало, вдруг стали расписывать всяческие блага, которые как из рога изобилия посыплются на Украину, если только она не референдуме скажет независимости «Да!». Так, известный певец украинской духовности Сергей Плачинда разразился следующим пассажем: «Передовые государства мира объявят о признании независимости и Украины только после референдума. Тогда они начнут давать кредиты, помощь. На Украину ринутся предприниматели, коммерсанты, бизнесмены. Они будут заключать соглашения о сотрудничестве, вкладывать свои капиталы в возрождение захирелого хозяйства. После референдума начнется возвышение Украины!»

Чтобы погасить недовольство русского и русскоязычного населения, которое было шокировано носившим дискриминационный характер законом о языке, Верховный Совет Украины быстрым порядком принял Декларацию прав национальностей Украины, в которой драконовские статьи закона были несколько смягчены, хотя угроза русской культуре отнюдь не была снята. Статья 3 Декларации гласила: «Вер-

ховный Совет Украины трактует статью 3 Закона «О языках в УССР» таким образом, что наряду с государственным украинским языком в пределах административно-территориальных единиц, где компактно проживает определенная национальность, может функционировать ее язык наравне с государственным языком». Русское и русскоязычное население Украины этим, к сожалению, удовлетворилось.

В помощь самостийнической идее был рекрутирован даже «прорицатель» Павел Глоба. Накануне референдума он выступил в газете «Вечерний Киев» с предсказанием, в котором самостоятельность Украины рассматривалась как факт, не вызывающий никаких сомнений. При этом он подстраховал самое слабое место самостийников – кандидатуру Кравчука в президенты, в высоком рейтинге которой не было полной уверенности. Оповестив, что победит Кравчук, Глоба стал заверять, что народ Украины не пожалеет об этом, ибо его правление будет «очень спокойным и различные войны, кровопролития, бедствия и голод обойдут Украину».

На итогах украинского референдума, разумеется, сказали и целый ряд важнейших политико-экономических обстоятельств. Определяющим фактором был прогрессирующий распад союзных структур, страх общего экономического краха в результате метаний сменявших друг друга «перестроечных» команд. В этом смысле ГКЧП, точнее – победа над ГКЧП так называемых «демократических сил», оказались последней каплей, последней порцией воды, зачерп-

нув которую союзный корабль пошел ко дну. Выступление против независимости Украины ассоциировалось в народном сознании с возвращением к власти Горбачева, тогда как широкие массы на Украине его просто ненавидели.

Примерно такой же «любовью» пользовался и пользуется на Украине и Ельцин. Если крутые националисты его имя, по крайней мере некоторое время назад, отождествляли с имперской Россией, то для людей общерусского сознания – сторонников сохранения единства Украины с Россией – он был и остается временщиком, лихорадочно распродающим страну иностранному капиталу.

Зная нелюбовь народа к Горбачеву и Ельцину, средства массовой информации исподтишка спекулировали на ней: с кем хотите объединяться? С этими?

Приближение референдума объективно сближало Ельцина и Кравчука, делало их заинтересованными друг в друге. Где-то в это время, не полагаясь на «заочное» взаимопонимание, установили между собой прямой контакт неофициальные штабы российского и украинского президентов. Л. Кравчуку дали понять: сразу после его победы на референдуме Россия поддержит его толкование результатов как вотум на выход из Союза. В свою очередь он должен поддержать президента России в том, чтобы окончательно заблокировать Горбачева и его нелепые «ново-огаревские договоренности».

Фантастический куш в результате такой сделки срывал будущий украинский президент, получавший от России «зеленый свет» на немедленное государственное закрепление украинской независимости в тех границах, о которых и не мечтали самые горячие головы в националистическом движении «Рух». Поскольку же для российского руководства главной ставкой в этой партии была голова и кремлевский кабинет союзного президента – никакая цена на этом аукционе не казалась слишком высокой. Ельцин и Кравчук ударили по рукам: сделка «Крым на Кремль» состоялась...

В самый канун голосования, когда предвыборная агитация должна прекращаться, из резиденции президента США поступила и тут же была растиражирована свободной московской и киевской прессой утечка информации: в случае, если Украина проголосует за независимость, США установят с ней дипломатические отношения.

Возмущенный столь бесцеремонным вмешательством, Горбачев продиктовал сообщение своей пресс-службе, в котором выражалось недоумение по этому поводу. Буш позвонил советскому лидеру, неуклюже оправдываясь: мол, признание независимости Украины международным сообществом еще не означает ее выхода из Союза. Наоборот, это может способствовать ее возвращению в процесс заключения Союзного договора, который остановился из-за неуступчивой позиции этой республики...

1 декабря состоялся референдум. За подтверждение Акта Верховного Совета Украины о провозглашении независимости Украины проголосовало 28 миллионов 804 тысячи 71 человек, или 90,32 процента.

После объявления официальных результатов референдума Ельцин выполнил свое обещание Кравчуку – опубликовал заявление о признании «российским руководством» независимости Украины. Ни о проблеме Крыма, ни о проблеме Севастополя в этом заявлении даже не упоминалось. Так выглядел «акт государственной мудрости» нынешнего президента России, без колебаний разменявшего во имя личных властных амбиций территорию, военно-стратегические интересы страны, судьбы и жизни людей.

Киев, 5 декабря 1991 года

Позиция Украины по вопросу сохранения СССР по существу была предreshена на торжественном заседании Верховного Совета, собравшемся в Киеве 5 декабря 1991 года. Именно на этом заседании было официально объявлено об итогах всеукраинского референдума и выборов первого Президента Украины.

Акценты торжественно открывшегося заседания умело расставил И. Плющ, первый заместитель Председателя Верховного Совета Украины избранный в этот день, во второй половине заседания, Председателем.

И. Плющ: – День первого декабря этого года войдет в историю не только Украины, но и всего мира как день возрождения государственности Украины, народ которой всем славным и честным путем завоевал право быть равным среди других народов, жить свободно, развивать свой язык, культуру, экономику. Осуществилось извечное стремление народа иметь свое государство, быть его хозяином. Тем более, что за это право так дорого заплачено. На карте мира появилась европейская держава, название которой Украина! (Аплодисменты).

Как много, оказывается, можно сказать в одном небольшом вступительном спиче! И то, что на карте Европы «по-

явилась европейская держава». (В Советском Союзе такой державы не было). И об «извечном стремлении» украинского народа «иметь свое государство, быть его хозяином». (До этого, стало быть, хозяином украинского государства был кто-то другой). И о праве «жить свободно, развивать свой язык, культуру, экономику». (Которого раньше, видимо, не было). И о дорогой цене, которая «за это право заплачена». (Некоему непоименованному «супостату», угнетавшему украинский народ). И, наконец, о светлой вере и надежде сделать Украину цветущей, а ее народ – счастливым...

Далее председательствующий предоставил слово руководителю всеукраинского Центризбиркома, который огласил результаты референдума.

Референдум этот во всех отношениях примечательный. Вопрос на нем был поставлен не прямо о провозглашении независимости Украины (такая постановка вопроса могла бы встревожить обывателя, заставить его задуматься, начать задавать себе ненужные вопросы: «А что это значит? А что за этим последует?»), а как бы «вскользь» – о поддержке поспешного и эмоционального «Акта провозглашения независимости Украины», принятого Верховным Советом Украины 24 августа 1991 года на волне возмущения попыткой государственного переворота, предпринятой 19 августа в Москве. В этом документе, «исходя из смертельной опасности, которая нависла над Украиной в связи с государ-

ственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года», Верховный Совет торжественно провозглашал «независимость Украины и создание самостоятельного украинского государства – Украины».

Тем самым убивалось несколько зайцев сразу. Во-первых, проведение референдума в форме «поддержки» Акта о независимости страховало украинских националистов на случай поражения: неудача (а ее нельзя было исключить), означала бы не отказ от идеи «независимости», а только от этого, «несовершенного по форме» Акта.

Во-вторых, сторонникам Союза приходилось выступать против принятого и действующего решения Верховного Совета (что всегда психологически трудно), а также против такой хорошей, такой популярной идеи «независимости».

В-третьих, хотя в Акте о независимости не было ни слова и выходе из СССР, его подтверждение на референдуме развязывало руки для самых широких толкований, в том числе таких, о которых граждане Украины, незадолго до этого подтвердившие на референдуме свою волю к сохранению СССР, даже и не подозревали.

Такова специфика практически всех референдумов, организованных на территории бывшего СССР: «Главное – проголосуйте, а затем мы объясним вам, за что именно вы проголосовали!»

Естественно, что и на этот раз результат референдума был «положительным»: по официальным данным за подтвержде-

ние Акта о независимости проголосовало 9 из 10 принявших участие в голосовании, в том числе избиратели Крыма и Севастополя, вряд ли до конца понимавшие, за что именно они голосуют.

Увы, политика, как и жизнь, жестока, коварна и не терпит пустоты. То, что по наивности, слабости или недомыслию отдают одни, тут же подбирают и приспособливают для своих целей другие.

Бойко В. Ф. (Председатель Центральной избирательной комиссии Украины): – Хотел бы обратить внимание и на то, что результаты нынешнего всеукраинского референдума, по существу, отменяют итоги голосования граждан Украины на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 года. (Аплодисменты).

Вот так, как бы между прочим, на торжественном заседании, посреди доклада, посвященного совсем другому вопросу, были «аннулированы» результаты голосования украинского народа по вопросу о сохранении СССР.

Далее Председатель украинского Центризбиркома доложил результаты выборов первого Президента Украины. По итогам голосования из шести кандидатов избран Леонид Макарович Кравчук, который принес присягу народу Украины.

Начинается торжественная часть, построенная по отработанным стандартам «мероприятий» застойных лет: один пи-

сатель, одна колхозница, один военный. Так, да не совсем. Незримым призраком в зал заседаний Верховного Совета вновь всплыл образ «врага», виновного во всех бедах и несчастьях украинского народа – России, русских...

Гончар О. Т. (писатель, председатель Украинского республиканского комитета защиты мира): – Надо ли сегодня еще раз напоминать, как последовательно, этап за этапом, разрушалась наша государственность, наша национальная культура, как беспощадно и жестоко искоренялся язык, народная мораль и вера, прекрасные столетние обычаи, как физически уничтожали творческие силы нации, ее художественные таланты, интеллектуальная роль, духовный и научный потенциал.

И, наконец, Чернобыль, эта украинская Голгофа, этот печальный свидетель преступности, антигуманности тоталитарной системы, вершина ведомственного сатанизма. Геноциды, голодоморы, терроры. Казалось бы, мы давно уже должны были исчезнуть как нация, и может, само провидение спасло нас.

Становится реальностью мечта многих веков. С этой точки зрения наш народ поколение за поколением жертвенно завоевывал независимость. От казацких времен, от Шевченко и Франко, от Леси Украинки и Елены Пчелки, от Лысенко и Грушевского генетически передавалась эстафета духовности. Идеалы свободы становились духовным знаменем и

для молодых и для самых младших наших поколений, которые непокоренные, замордованные исчезали в ГУЛАГах за решетками бесчисленных режимных концлагерей.

Поклонимся, Украина, памяти замученных, polegших твоих детей, их жертвенности, их героизму, ибо все они соавторы твоей свободы. (Аплодисменты).

Философский вопрос, не имеющий, вероятно, ответа: кто больше счастлив – народ, который может свалить на кого-либо свои несчастья, или народ, который не имеет такой возможности?

Некоторым диссонансом в торжественной, приподнятой атмосфере праздника прозвучало невнятное и сбивчивое выступление представителя России, который зачитал сухую протокольную телеграмму от Президента РСФСР:

«Дорогой Леонид Макарович!

Искренне поздравляю Вас со всенародным избранием Президентом независимой Украины.

Победа в первом туре голосования означает высокую степень доверия граждан к вам лично и к тому политическому курсу, который вы проводите.

Пользуясь случаем, хочу подтвердить, что и на новом этапе отношений, отсчет которых начался 1 декабря, Россия будет твердо привержена динамичному развитию всесторонних отношений между нашими государствами на основе согласованных принципов. Выражаю надежду, что и впредь

Украина и Россия – братские славянские государства – будут вместе идти по пути реформ во имя благополучия своих граждан.

Желаю вам, дорогой Леонид Макарович, больших успехов на новом государственном посту, здоровья и благополучия!

С уважением, Президент Российской Федерации Борис Ельцин».

Далее на трибуну взошел первый Президент Украины Л. М. Кравчук, ознакомивший собравшихся в краткой программной речи с основными вехами внутренней и внешней политики «независимой Украины».

Л. Кравчук: – Уважаемое общество! В своем сегодняшнем выступлении хотел бы остановиться на ключевых моментах внутренней и внешней политики Украины, которую будет проводить ее Президент.

Вся наша политика будет определяться тем, что Украина является полнокровной, полноправной, независимой державой. На ее территории действуют исключительно Конституция и законы Украины. Она является равноправным субъектом во внешних отношениях. Она является открытым демократическим правовым государством, в котором единственным источником государственной власти является народ, а человек – высшей ценностью.

Президент, получив власть от народа, должен служить ему

и обеспечить его достаток, права и свободы каждого человека. Он должен заботиться об авторитете государства, его мощи и защищенности.

Каковы наиболее важные изменения в сфере экономики? Мы будем строить социально ориентированную экономику, которая работает на человека, а не за счет человека, дает человеку все для нормальной цивилизованной жизни.

Самые первые наши шаги в области экономики будут направлены на осуществление глубоких, последовательных, скоординированных по времени экономических реформ, создание качественно новой, смешанной экономики, становление внутреннего рынка Украины как самостоятельного государства, интеграцию ее экономики с экономикой государств бывшего Союза и в европейское и мировое экономическое пространство.

Основное в экономической сфере – отдать собственность человеку, сделать его хозяином. Все известные на сегодня цивилизованному человечеству формы собственности будут на территории Украины юридически равными.

Земля будет принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Мы возродим украинское село, сделаем землю матерью богатства, а людей, которые живут на этой земле, – свободными.

Разгосударствление и приватизация собственности составят равные условия хозяйствования всем предприятиям и предпринимателям: государственным, частным, арендным, кооперативным, индивидуальным, а также зарубежным ин-

весторам.

Предприниматель станет основой экономики, ее душой, ее движущей силой. Мы снимем все ограничения на коммерческую деятельность государственных предприятий, как на внутреннем, так и на внешнем рынках, будем оставлять им большую часть валютной выручки, введем режим поддержки частного предпринимательства и предпринимателей на государственном уровне.

Государство снимет с себя функции производителя и передаст их непосредственно предпринимателям, перейдет от жесткого управления к регулированию экономики. Государственные структуры экономического управления будут простыми, эффективными, дешевыми, построенными в соответствии с функционально-целевым принципом, при широком развитии территориального экономического самоуправления.

Мы пойдем на решительные структурные сдвиги, конверсию оборонных предприятий, создание новых экономических структур, способных обеспечить человеку благосостояние и достаток...

Вопреки усиленно распространяемому в России мнению о сохранении единого экономического пространства и единой денежной единицы, Л. Кравчук в своей речи не оставил сомнений на этот счет: «Создание национальной экономики требует введения национальной денежной единицы». Столь

же четко и ясно было сказано и о создании собственных Вооруженных сил: «Вооруженные силы Украины, которые возникнут на месте вооруженных сил бывшего Союза, создаются исключительно для защиты независимости, суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ Украины в минимальных, необходимых лишь для нужд обороны размерах». Трудно представить себе, что российское руководство заблуждалось на этот счет. В этом свете становится понятным, что неоднократные утверждения Б. Ельцина о «сохранении» в рамках СНГ единых вооруженных сил под «единым командованием» – сознательная дезинформация общественности и депутатов, вызванная стремлением «подсластить пилюлю» распада СССР.

Расставляя внешнеполитические приоритеты, Л. Кравчук отвел России не первое, не главенствующее, но, следует признать, достаточно заметное и важное место: «Понятно, что особенно мы заинтересованы в добрых отношениях со всеми республиками бывшего Союза, и прежде всего – с Россией. Нас связывают общие экономические, политические и военно-стратегические интересы, историческая судьба, культурные традиции. Кроме того, на Украине проживает около 12 млн. россиян. Назвать их национальным меньшинством было бы не совсем точно. Украинцы и россияне столетиями жили вместе, делили поровну горе и радость, вместе проливали кровь за эту землю. Как Президент я представляю неза-

висимую Украину как государство украинцев, россиян, всех национальностей, что ее населяют. Другой она просто не может быть. (Аплодисменты)».

Ближе к концу выступления, пригрозив тем, кто пытается «разыграть российскую карту», Президент Украины также отдал дань «национально-освободительной» риторике.

Л. Кравчук: – Уважаемое общество! На долю народа Украины выпали тяжкие исторические испытания. Его поработали и уничтожали, морили голодом и убивали «мирным атомом», калечили историческую память и преследовали язык. Однако больше всего усилий прилагали разномастные захватчики, чтобы оторвать украинцев от древнего корня, представить их как безотцовщину, исказить тысячелетний опыт государственного созидательства. Однако идея независимости Украины всегда горела живым негасимым огнем в душах ее лучших сыновей и дочерей, пламенела в каждом честном и чистом сердце. Сегодня украинский народ демократическим путем ясно выразил свою волю – самостоятельному государству быть! Украина жива. Она поднялась с колен и сделала первый шаг по пути общечеловеческой цивилизации, к свободе и благосостоянию!»

Конфронтация, противостояние, свара, схватка. Какая радость, какой желанный долгожданный миг для тех, кто в радужных снах видел развал Советского Союза, всеми силами

и ценой немалых трат приближал этот долгожданный миг! Неудивительно, что в адрес «свободолюбивой» Украины посыпались поздравления со всего света.

Л. Кравчук: – Уже первые дни после референдума подтвердили, каким уважением пользуется Украина во всем мире. Многочисленные поздравления и приветствия, официальное признание со стороны Канады, Польши, Венгрии, России, телефонный разговор с Президентом США Д. Бушем еще раз продемонстрировали уважение демократических правительств к волеизъявлению нашего народа. Пользуясь случаем, хотел бы искренне поблагодарить всех, кто поддержал и признал наше стремление к свободе и независимости! (Аплодисменты).

Как назвать, как определить тот вид дальтонизма, который не позволяет политикам разглядеть настоящих друзей и подлинных врагов, ближайшие и отдаленные последствия своих поступков, прозреть великие цели за мелкими обидами и текущими номенклатурно-конъюнктурными расчетами?

Взаимоотношений с союзным руководством Л. Кравчук в своем выступлении преднамеренно не касался. Это была тема следующего выступления...

Слово для оглашения послания к парламентам и народам мира предоставляется Дмитрию Васильевичу Павлычко, де-

путату Верховного Совета Украины, председателю комиссии по международным делам.

Помимо обязательных в данном случае слов об «утверждении принципов свободы, демократии, гуманизма», «верности идеалам прав человека», «переходе к рыночной экономике», «равноправии всех форм собственности», «соблюдении международных обязательств» и т. д. и т. п., Послание к парламентам и народам мира содержало ключевую фразу: «Договор 1922 года об образовании Союза ССР Украина считает относительно себя недействительным и недействующим. (Аплодисменты)».

Не желая подвергать риску обсуждения столь важный в политическом отношении документ председательствующий И. Плющ предлагает проголосовать его руками и стоя... Голосов «против» и «воздержавшихся» не оказалось – а если и были, то утонули в гуле и аплодисментах вскочившей на ноги человеческой массы.

Так было одобрено «великое историческое решение». Таков был «мандат», с которым Л. Кравчук через два дня отбыл в Беловежскую Пушу...

Москва, 4–7 декабря 1991 года

4 декабря 1991 года в Москве представителями республик с одной стороны и представителем Союза ССР – с другой был подписан Договор о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР.

Уже в первой строке преамбулы этого соглашения Союз ССР объявлялся «государством-предшественником», а участники договора «государствами-правопреемниками». В статье 2 без обиняков заявлялось, что «государство-правопреемник означает государство, которое сменило другое государство». Статья 3 объявляла участниками договора все союзные республики бывшего СССР, а статья 4 определяла их удельный вес в общей сумме долга и активах СССР: Российской Федерации, согласно этому расчету, причиталось 61,34 процента, Украине – 16,37, Беларуси – 4,13, Узбекистану – 3,27 и т. д. Статья 6 договора объявляла, что момент правопреемства является 1 декабря 1991 года.

В высшей степени оригинально и необычно выглядело вступление этого договора в силу: он вступал в силу с момента его подписания, без ратификации парламентами и без опубликования. Тем не менее статья 10 договора предусматривала что его положения «обязательны для исполнения всеми министерствами, ведомствами и организациями СССР».

Договор не был официально опубликован. Его подписа-

ли Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Россия, СССР, Таджикистан, Украина. Таким образом, с «дедушкиным наследством» разобрались еще 4 декабря 1991 года. Осталось разобраться с самим «дедушкой»...

5 декабря 1991 года, накануне своего отъезда в Белоруссию, Ельцин встретился с Горбачевым и проинформировал его о своем намерении съездить в Минск, к Шушкевичу. Разговор двух президентов был исполнен «тонкой» дипломатии. Ельцину надо было прозондировать состояние и ближайшие намерения Президента СССР, Горбачеву – не подать вида, что он чего то опасается.

Б. Ельцин: – Надо бы нам, россиянам, обсудить с белорусами дела по двустороннему сотрудничеству.

Горбачев не возражает.

Б. Ельцин: – Неплохо бы заодно и Кравчука прощупать. Что он, понимаешь, думает в отношении Союза, став президентом... Он согласился прилететь в Минск.

Горбачев одобряет эту идею.

Б. Ельцин: – Михаил Сергеевич, давайте согласуем тактику обсуждения этих вопросов с Кравчуком. Надо уговорить его не порывать с Союзом...

Горбачев взрывается раздраженной тирадой: – Если дело дойдет до такого вот грубого отделения от Союза, до ухода Украины, то тогда мы сможет столкнуться там с очень опас-

ными событиями... И вообще, почему независимость надо интерпретировать как обязательный выход из Союза? Есть республики, которые раньше всех заявили о своей независимости и тем не менее участвуют в строительстве нового Союза...

А. Грачев: – Проводив Ельцина до лифта, я зашел к Горбачеву и пересказал ему ответы Ельцина журналистам, ждавшим его в кремлевском коридоре. На этой импровизированной пресс-конференции Ельцин сказал: «Я не мыслю себе нового Союза без Украины» – и далее подчеркнул: «Если не будет получаться, подумаем о других вариантах».

– Что он имел в виду, Михаил Сергеевич?

Горбачев казался вполне удовлетворенным итогами только что состоявшейся беседы:

– Мы договорились, что он постарается повлиять на Кравчука – ведь из-за украинского референдума мы отложили подписание Союзного договора. А в понедельник (имелось в виду 9 декабря – *Авт.*) Ельцин, Кравчук и Назарбаев соберутся у меня для окончательного разговора...

Б. Ельцин (воспоминания): – Горбачев говорил и говорил, завораживая себя собственной речью, ухватившись за возможность еще раз изложить мне всю систему аргументации. На этот раз я ему не возражал. Зачем? Я все больше убеждался, что союзный президент неадекватен сложившейся об-

становке, явно утратил ощущение реальности. Союз Суверенных Государств, за который столь рьяно ратовал Михаил Сергеевич, уже давно расшифровывали как «Союз Спасения Горбачева»...

М. Горбачев(воспоминания): – В течение недели перед Минской встречей мы почти ежедневно общались с Ельциным: или говорили по телефону, или встречались у меня. Говорили о многом, но главным оставался вопрос о сохранении Союза. На мой вопрос, почему вдруг Верховный Совет РСФСР отложил обсуждение проекта Договора о Союзе Суверенных Государств, он ответил рассуждениями насчет того, что его не поддержат депутаты. Я же сослался на то, что его и мои эксперты вместе работают в комиссиях Верховного Совета в обстановке большого согласия. И откуда взято, будто депутаты против?

Ельцин стал говорить, что сейчас первоочередная задача – это обсуждение документов, связанных с реформами. И опять настойчиво ставил передо мной тот же вопрос: подпишет ли Договор Украина? Союз без Украины немыслим. Я неизменно подчеркивал, что также не мыслю Союза без Украины. А на вопрос Ельцина, что же в этом случае делать, отвечал: предпринять все, чтобы Российская Федерация первой одобрила Договор на Верховном Совете.

Я уже понимал, что Президент России хитрит, тянет время: значит, у него есть другой план. Поэтому я перед са-

мой встречей в Минске прямо спросил его: с чем он едет? Мой подход: есть проект Договора, Украина может присоединиться ко всем его статьям или к части из них. Ельцин, аргументируя задержку с рассмотрением Договора, сказал, что может встать вопрос о Союзе славянских республик. Я заявил, что, на мой взгляд, это неприемлемо. И разговор мы должны продолжить в Москве на встрече президентов с участием руководителей Украины.

Тогда я подумал, что сепаратистская позиция руководства Украины – это «подарок» для Ельцина: в России не поддержат президента, выступающего против Союза. Недовольство россиян центром вовсе не означает отказ от Союза. Особая же позиция руководства Украины – спасательный круг для тех в Российской Федерации, кто против сохранения Союза...

Информация для печати:

«Очень непростой» назвал Борис Ельцин свою беседу с Михаилом Горбачевым, касавшуюся главным образом перспектив подписания Союзного договора, которая состоялась в Кремле, в рабочем кабинете Президента СССР.

Встретившись с журналистами после этой беседы, оба президента подчеркнули, что будущий Союз они не мыслят без Украины... Борис Ельцин сказал, что надеется найти взаимопонимание на встрече с руководством Украины в Минске, куда в субботу он вылетает для подписания двусторон-

него соглашения между Россией и Беларусью...

Президент СССР особо отметил, что не видит альтернативы Союзному договору. «Уверен, что дальше мы можем успешно двигаться вперед лишь вместе – в Союзе Суверенных Государств», – подчеркнул он. «Мы нашли взаимопонимание с Борисом Николаевичем», – отметил Президент СССР.

(«Российская газета», 7 декабря 1991 г.)

Несмотря на успокаивающие слова о «взаимопонимании», «компромиссе» и «сохранении Союза ССР», фактическая ликвидация Союза к тому времени уже шла полным ходом:

Постановлением Правительства РСФСР от 15 ноября № 8 ликвидировано министерство финансов СССР, его предприятия и организации, включая Гохран СССР, переведены в подчинение министерства экономики и финансов РСФСР...

Этим же постановлением прекращено финансирование большинства союзных министерств и ведомств, их имущество зачислено в резерв Правительства РСФСР...

Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября ликвидирована сеть учреждений Госбанка СССР на территории РСФСР. Его предприятия, учреждения, материально-техническая база и ресурсы переданы в ведение Центрального банка РСФСР...

28 ноября Б. Ельцин подписал указ «О реорганиза-

ции центральных органов государственного управления РСФСР», которым более семидесяти союзных министерств и ведомств были переведены в российскую юрисдикцию...

Информация для печати:

«Я не хотел бы предвосхищать визит Президента России в нашу республику каким бы то ни было комментарием», – сказал председатель постоянной комиссии Верховного Совета Беларуси по международным делам и внешнеэкономическим связям Петр Садовский.

Как стало известно корреспонденту РИА, программа пребывания Бориса Ельцина в Беларуси предусматривает утром 7 декабря встречу с представителями парламента, правительства и хозяйственного актива Беларуси, а днем – подписание экономического соглашения между двумя республиками.

Предполагается, что в субботу к лидерам России и Беларуси присоединится Президент Украины Леонид Кравчук. О программе этой встречи ничего официально не сообщается, но по неофициальной информации речь может идти о создании некоего трехстороннего объединения. Пока известно, что журналисты на эти переговоры допущены не будут... (Сообщение РИА, 7 декабря 1991 г.)

Беловежская пуща, 8 декабря 1991 года

В Беловежье зима, сосны упираются в хмурое низкое небо. Длинная асфальтированная дорога ведет к воротам правительственной резиденции «Вискули». Вот здесь, за этими воротами, все тогда и случилось...

С. Шушкевич: – Идея встретиться здесь возникла у меня. Сначала я пригласил в Беловежскую Пущу только Ельцина.

В первый раз еще в Ново-Огареве: «Да, в Ново-Огареве природа прекрасная. Но и у нас в Белоруссии есть замечательные места, где можно встретиться, поохотиться, поговорить». Ельцин согласился приехать. Ближе к декабрю мы созвонились, и я повторил приглашение. Я в шутку спросил у Бориса Николаевича, не позвать ли Горбачева. Ельцин ответил, что если будет Горбачев, тогда он не поедет.

7 декабря Ельцин прилетел в Минск. Мы встретились с ним в кабинете Председателя Совета Министров Белоруссии Вячеслава Францевича Кебича (мой кабинет как Председателя Верховного Совета был существенно скромнее). Я предложил принять трехстороннее коммюнике. На уровне совета Горбачеву, что нужно делать. Примерно так: «Горбачев, ты не правишь, опасность очень большая, хватит говорить о Союзном договоре...» То, что мы изначально предла-

гали, было значительно мягче подписанного в итоге в Вискулях соглашения. Так что формулировка о том, что Советский Союз как геополитическая реальность прекращает свое существование, родилась прямо в Беловежской Пуще.

Прилетел Кравчук, я встретил его в аэропорту, и он сразу же сказал: ради коммюнике можно было бы и не приезжать. Мол, надо идти дальше. И мы полетели в Вискули.

Л. Кравчук: – Ельцин привез с собой горбачевский текст о создании Союза. Горбачев делал нам предложение: Украина вправе внести любое изменение, пересмотреть целые параграфы, даже составить новую редакцию при единственном условии – она должна подписать этот договор. Ельцин положил текст на стол и передал вопрос Горбачева: «Подпишете ли Вы этот документ, будь то с изменениями или без них?» Сам он сказал, что подпишет только после меня. Таким образом, судьба договора зависела целиком от Украины. Я ответил: «Нет.» Тут же встал вопрос о подготовке нового договора. Специалисты работали над ним всю ночь. Подписали документ быстро, без каких-либо обсуждений и согласований. Оказывается, можно все решать оперативно, если на дороге нет бревна, которое называется центром...

В. Кебич: – В то время Кравчук и Ельцин не дружили. Поэтому в Вискули летели на разных самолетах. Я сопровождал Ельцина, а Шушкевич – Кравчука. Прежде всего их надо

было помирить.

Когда прибыли, Кравчук с премьером Фокиным пошли на охоту, потом провели ужин, ужин затянулся...

С. Шушкевич: – Почему была выбрана именно резиденция в Вискулях? Она строилась специально для высокопоставленных лиц. Оборудована средствами спецсвязи, рядом – военно-воздушная база. Я сам впервые был в этой резиденции. Надо отдать должное нашему правительству – оно все сделало по самому высшему разряду. Мне оставалось делать вид, что я здесь хозяин и всех приглашаю...

Подозрений, что Горбачев предпримет «штурм», у нас не было, хотя такой вопрос обсуждался. Но вспомните, что это было за время. Новоогаревский процесс зашел в тупик, в стране безвластие. Кто решится силой пресечь нашу попытку хоть как-то решить проблему? КГБ? После отстранения Крючкова этой силы можно было не бояться. Армия? Шапошников – интеллигентный, деликатный человек, он никогда бы на это не пошел...

Л. Кравчук: – Горбачев к силовым методам не обратится, это исключено. Как руководитель СССР он завоевал мировой авторитет тем, что начал демократические преобразования. Я не думаю, что он может прибегнуть в конце к действиям, которые похоронят демократию и личность, с которой связана перестройка. Это серьезно для истории.

Тем не менее во время встречи были предприняты все

необходимые меры безопасности. Резиденцию «Вискули» охраняло спецподразделение. Офицеры из службы безопасности Ельцина и Кравчука постоянно переговаривались с Москвой, Киевом, Минском (у Шушкевича своей службы безопасности не было). На случай внезапного нападения был установлен контакт с ближайшими воинскими частями, пограничниками, службами ПВО.

Выбор резиденции был связан, вероятно, с тем, что буквально рядом – белорусско-польская граница. «На всякий случай» на авиабазе держали в постоянной готовности «горячие» вертолеты. На низкой высоте перелететь границу – без проблем...

С. Шушкевич: – Вечером в резиденции мы сели работать втроем: Ельцин, Кравчук и я. Но втроем мы договорились фактически только о том, что дальше будем работать вшестером. Вскоре к нам присоединились премьер-министр Украины Фокин, Председатель Совета Министров Белоруссии Кебич и госсекретарь Бурбулис. И до самого завершения встречи мы работали уже в этом составе.

Фокин и Кебич, главы исполнительных властей государств, опытные люди, не раз корректировали наши формулировки, четко объясняя, какие сложности они могут породить на практике. Что касается Бориса Николаевича, то он пригласил не главу правительства, а госсекретаря. Честно говоря, пост, занимаемый тогда Бурбулисом, был для нас не

очень понятен. Но Бурбулис был вторым лицом в государстве – раз так счел Президент России, мы и воспринимали его как второе лицо. Бурбулис был политически инициативен. Я помню, что именно он поставил перед нами вопрос: а вы согласитесь подписать, что СССР как геополитическая реальность (я помню, что «геополитическая реальность» – его слова) распался или прекратил свое существование?

Вечером мы для начала договорились концептуально: осознаем опасность неконтролируемого развала СССР, вправе констатировать, что СССР распался, должны сделать все, чтобы сохранить военную связку. Мы осознали, что распадается ядерная держава и каждое из государств, принимающих участие во встрече, имеет на своей территории ядерное оружие... Мы сошлись на том, что это нужно оформить официальным документом, и дали поручение рабочей группе, в которую входили представители от каждой стороны. И было сказано: за ночь – сделать.

А наша шестерка, дав задание рабочей группе, отправилась в баню. В бане нас было больше, чем шестеро. С Борисом Николаевичем, например, были люди из его охраны. Но разговоры мы вели «банной шестеркой». Хотя наутро нам нужно было решать судьбу страны, чувства величественности события ни у кого не было. Кроме, пожалуй, Бурбулиса...

Б. Ельцин: – Беловежская встреча проходила в обстанов-

ке секретности, резиденцию даже охраняло особое спецподразделение. Из-за этой сверхсекретности порой возникали неожиданные ситуации. Например, вдруг выяснилось, что в резиденции нет ксерокса. Для того, чтобы получить копию документа, его каждый раз приходилось пропускать через два телефакса, стоявшие рядом.

Мне показалось, что Шушкевич представлял себе эту встречу несколько иначе, более раздумчивой, спокойной. Он предлагал поохотиться, походить по лесу. Но было не до прогулок. Мы работали как заведенные, в эмоциональном, приподнятом настроении.

С нашей стороны над документами работали Бурбулис, Шахрай, Гайдар, Козырев, Илюшин. Была проделана гигантская работа над концепцией, формулами нового, Беловежского договора, и было ясно, что все эти соглашения надо подписывать здесь же, не откладывая.

Глядя на внешне спокойные, но все-таки очень напряженные, даже возбужденные лица Кравчука и Шушкевича, я не мог не понимать, что мы всерьез и, пожалуй, навсегда «отпускаем» Украину с Белоруссией...

С. Шушкевич: – День 8 декабря глубоко врезался мне в память. С утра Фокин с Кравчуком ушли на охоту. Ельцин от охоты отказался. Фокин завалил кабана, которым мы потом вечером закусывали.

К работе над документами приступили после завтрака. Я понимал, что документ нужно сделать аккуратно и мы вычи-

тывали каждое слово.

Сначала мы писали само Соглашение. Получали от рабочей группы вариант преамбулы: это нравится, это не нравится... Давайте попытаемся оттенить вот такой элемент, такой... Согласны. И преамбула уходит назад, в рабочую группу. И так с каждым пунктом Соглашения. Он принимался только тогда, когда вся шестерка была согласна...

Кравчук был таким сдерживающим. Он все время фильтровал пункты Соглашения с позиции прошедшего на Украине референдума. Мы могли туда включить любые фразы по интеграции и по взаимодействию. Но особая позиция Кравчука отметала любое «братское единение» Украины в рамках бывшего СССР.

Белоруссии было нужно, чтобы Соглашение не противоречило нашей Декларации о независимости: мы заявили в ней о стремлении к нейтральности и безядерности.

Там не было наивных. Было ясно, что Борису Николаевичу больше всего мешает Горбачев. Украине нужно было для нормального становления признание ее независимости Россией – не как наследником бывшего СССР, а как главным правопреемником. Честно говоря, нам нужно было то же самое. Я ведь понимал, что если мы приняли Декларацию о независимости, в признании нашей независимости нет проблем ни с одним государством, кроме России.

Мы оставили едиными фактически только военную структуру, стратегические вооруженные силы.

Когда Соглашение было готово, решили, что Заявление мы подпишем тройкой – массовок устраивать не нужно.

Из рабочей группы мне запомнился Шахрай. Когда мы с очередным пунктом заходили в «тупичок», Шахрай уходил на пять-десять минут и возвращался с приемлемой формулировкой. Он не был безропотным исполнителем, выяснял все до мелочи. И я вдруг увидел такого... игрока. И юриста очень высокого ранга. Это было неожиданностью.

Что касается спиртного, то во время работы над Соглашением я был как за рулем и все остальные вели себя почти так же. Только когда с трудом удавалось найти приемлемую для всех формулировку, мы позволяли по чуть-чуть хорошего коньяку.

Я разрешил себе расслабиться только глубоким вечером, после подписания перед телекамерами – когда почувствовал, что «все, что мог, я уже совершил».

В. Кебич: – Во время работы над Соглашением, когда получалось сформулировать особенно сильную фразу, мне давали задание: иди налей по рюмке шампанского. Крепленые и крепкие напитки, когда мы работали, вообще не употребляли. Только потом, когда уже все закончилось...

А в баню даже и не ходили. И я тоже не ходил.

Российская сторона занималась только теми параграфами, которые имели политические цели. Их не волновало, что мы напишем по экономическим вопросам. Поэтому эконо-

мическую часть создали мы с Фокиным...

Больше всего обсуждалась судьба Президента Горбачева, как быть с государствами, которые не участвуют в совещании, схема внешнеполитической деятельности и схема обороны страны.

Никогда не вставал вопрос о том, что у нас, например, разорвутся связи между заводами. Нам казалось, что это навечно, незыблемо... Соглашение было для нас больше политическим заявлением. В этом отношении мы оказались обманутыми... российской стороной. Ведь мы были возмущены поведением Горбачева и готовы были черт те знаете что подписать, лишь бы от него избавиться.

С. Шушкевич: – Существовал договор-заготовка, разработанный еще в феврале славянской «тройкой» вместе с Казахстаном. 7 декабря прилетел в Минск Ельцин, за этим столом мы проводили деловую игру: как заинтересовать Украину. Я уехал в аэропорт встречать Кравчука уже с коммюнике, он сразу согласился, хотя, откровенно, я не надеялся на такой быстрый шаг. Тогда и решили, что надо идти дальше. Что и случилось в Беловежской Пуще...

Из Соглашения об образовании СНГ:

Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства – учредители Союза

СССР, подписавшие Союзный договор 1922 года, далее именуемые высокими договаривающимися сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и как геополитическая реальность прекращает свое существование...

С момента подписания настоящего Соглашения на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР...

Деятельность органов бывшего Союза ССР на территориях государств-членов Содружества прекращается...

За Республику Беларусь	За РСФСР	За Украину
------------------------	----------	------------

С. ШУШКЕВИЧ

В. КЕБИЧ

Б. ЕЛЬЦИН

Г. БУРБУЛИС

Л. КРАВЧУК

В. ФОКИН

Б. Ельцин: – Когда документы были в основном готовы, мы решили связаться с Назарбаевым, чтобы пригласить его, Президента Казахстана, в учредители содружества. Как раз в этот момент Назарбаев находился в воздухе, в самолете, на пути к Москве. Это была заманчивая идея – повернуть самолет, чтобы он прямо сейчас же прилетел к нам.

Мы попытались связаться с его самолетом. Выясняется, что в нем нет такой системы связи, по которой мы могли бы соединиться. Тогда пытаемся это сделать через диспетчерскую Внукова. Это был реальный вариант, Назарбаев в ка-

бине летчика мог бы переговорить с нами и развернуть самолет в нашу сторону. Однако руководство Министерства гражданской авиации Союза запретило диспетчерам аэропорта давать нам служебную радиосвязь. Пришлось дожидаться прилета Назарбаева, и он позвонил нам уже из Внуково.

Каждый из нас переговорил с ним по телефону. Я прочитал ему подготовленные для подписания документы. «Я поддерживаю идею создания СНГ, – сказал он. – Ждите меня, скоро к вам вылечу».

Однако Назарбаева мы в тот день так и не дождались. Когда Горбачев узнал от Назарбаева, что тот собрался к нам, он применил всю силу своего красноречия, использовал все влияние, чтобы отговорить его от поездки. Чуть позже мне позвонил кто-то из его секретариата и передал, что президент Казахстана не сможет прилететь.

Нам было важно присутствие Назарбаева хотя бы в качестве наблюдателя. Но он решил по-другому. Мы втроем закрепили своими подписями историческое беловежское соглашение...

Н. Назарбаев: – Моей подписи под документом все равно не было бы, и, окажись я там, во всяком случае пытался бы убедить участников Минской встречи все-таки провести консультации со всеми потенциальными членами Содружества Независимых Государств и только после этого прини-

мать какое-то решение.

Г. Бурбулис: – Ситуация развивалась достаточно сложно. В ноябре 1990 года без согласия и вне зависимости от Союза был подписан первый двусторонний договор между Россией и Казахстаном. Я расцениваю это событие как выдающееся, поскольку именно тогда была пробита первая брешь в системе...

Далее, в феврале 91-го возникла идея и была сделана первая проба четырехсторонней встречи: Россия, Украина, Беларусь и Казахстан. Была пройдена тропка двусторонних переговоров, и мы увидели, что в этой сборке есть стимулирующее зерно, и начали его отрабатывать.

К сожалению, тогда не было Шушкевича, был, кажется, Дементей, которому и хотелось, и было боязно одновременно. Ну и ни для кого не было секретом, что Горбачев достаточно ревниво и, я бы даже сказал, разрушительно, относился к этим попыткам. Поодиночке беседовал с участниками, убеждал их, то есть пытался всячески приостановить процесс.

Такое впечатление, что это у него получилось. Мы уже дошли практически до четырехстороннего документа, но потом это застопорилось. Кто-то засомневался, кто-то видел все это по-иному... Но проба состоялась. И сама идея содружества взамен союза в памяти нашей политической и духовной уже существовала. Надо было только найти, как ее воз-

обновить и как реализовать. Вот тогда и выяснилось, что реализовать ее можно только ограничив круг тремя республиками...

Тут речь идет о специфике Назарбаева, о его личностном качестве. Идея была такая: надо было все это подготовить без того, чтобы его насторожить. А мы в принципе знали, что Назарбаев обязательно будет советоваться с Горбачевым...

«Высокая честь» сообщить Президенту СССР, что такой страны больше нет, выпала С. Шушкевичу.

С. Шушкевич: – Когда мы закончили, наступило облегчение – просто от того, что мы наконец завершили эту работу. И тогда мы собрались втроем в – не побоюсь этого слова – апартаментах Ельцина. Борис Николаевич сказал: «Так, теперь надо Михаилу Сергеевичу сообщить». Логичнее всего, продолжал Ельцин, поручить это Станиславу Сергеевичу – он всегда с ним много говорит. Кравчук высказался за. Ну и мировую общественность надо было информировать. Решили, что логичнее всего позвонить Бушу. Кто лучший друг Буша? Конечно, Борис Николаевич.

Я начинаю звонить Горбачеву. Входные, спецкоммутатор... В общем, соединяли меня довольно долго. А Борис Николаевич по своей спецсвязи – хлоп! – и раньше «зацепился» за Буша. Пока меня соединяли с Горбачевым, Ельцин уже вел разговор с американским президентом.

Горбачев всегда ко мне обращался на «ты», а здесь впер-

вые он сказал мне «вы». Я в двух словах его проинформировал: «Подписали вот такое Заявление, и суть его сводится к следующему...» Горбачев: «Да вы понимаете, что вы сделали?! Вы понимаете, что мировая общественность вас осудит! Гневно!» А я уже слышу, что Ельцин разговаривает с Бушем: «Джордж, привет!» – и Козырев ему переводит. Горбачев продолжает: «Что будет, когда об этом узнает Буш?!» А я говорю: «Да Борис Николаевич уже сказал ему, нормально он воспринял». Горбачев при этом известии взорвался: «Вы разговариваете с президентом Соединенных Штатов Америки, а президент СССР ничего не знает. Это позор, стыдоба!»

Горбачев попросил к телефону Ельцина и потребовал прибыть к нему в Кремль на следующий день, как договаривались, для того чтобы объяснить: «Объясните стране, миру и мне!» Ельцин на это ответил, что от имени трех руководителей на разговор с Горбачевым прибудет он один...

Тогда же, не дожидаясь утра, мы вылетали обратно – нам предстояло ратифицировать соглашение в парламентах...

Хотя С. Шушкевич умалчивает об этом, в тот день из Беловежской Пуши звонили многим другим важным адресатам. Б. Ельцин имел разговор с министром обороны СССР маршалом Е. Шапошниковым и проинформировал его о подписанном Соглашении. Шапошников поинтересовался, предусматривает ли Соглашение сохранение единых воору-

женных сил. Получив от Ельцина утвердительный ответ, заверил, что с его стороны возражений не будет.

Еще об одном телефонном звонке из Беловежской Пуши рассказывает в своей книге А. Грачев, пресс-секретарь президента СССР: – В воскресенье 8 декабря у меня на даче раздался звонок «вертушки» (линии правительственной связи). Телефонистка переспросила мою фамилию, сказала: «С вами хочет поговорить Борис Николаевич». Я был заинтригован. Через полминуты в трубке раздался мужской голос, повидимому, помощника Ельцина: «Кто у телефона?» – «Грачев», – ответил я. Помолчав, он с сомнением переспросил: «Павел Сергеевич?» – «Нет, Андрей Серафимович». В трубке поспешно сказали: «Нет, нет, нам нужен другой».

Павел Сергеевич Грачев, мой однофамилец, в недавнем прошлом командующий воздушно-десантными войсками СССР, был в это время заместителем союзного министра обороны Евгения Шапошникова. Предназначенный ему звонок, как я потом понял, раздался из Беловежской Пуши. Бдительный помощник Ельцина не дал мне поговорить в тот день с российским президентом и узнать, зачем ему понадобился Павел Грачев. На следующий день и без того стало ясно.

«Международный аспект» Беловежского соглашения было поручено «прикрыть» А. Козыреву.

А. Козырев: – Из Минска Борис Николаевич разговари-

вал в присутствии глав двух других государств содружества с президентом Бушем. Я встречался после Минска с большой группой послов в Москве. Наконец, мы условились, что официально проинформируем другие государства мира и ООН для того, чтобы они, особенно ядерные державы, четко знали, что происходит. Очень скоро мы получили положительные высказывания из госдепартамента США. Его пресс-секретарь заявила, что Соединенные Штаты обнадужены и обрдованы тем, что в коммюнике о содружестве затрагивается ряд ключевых вопросов и сохранены все прежние международные обязательства...

Москва, 8 декабря 1991 года

Вечером 8 декабря радио передало: в Вискулях, что в Беловежской Пуще, Ельцин, Кравчук и Шушкевич денонсировали Договор об образовании СССР и объявили о создании нового содружества трех независимых государств.

Известие стало неожиданностью не только для союзного президента, но и для российского вице-президента. Через час Руцкой уже был у Горбачева. Полтора часа он убеждал Президента СССР в том, что надо предпринять самые решительные меры – как только вернутся из Пущи участники «исторического события», арестовать всех, без исключения. Основания – измена Конституции СССР. *Горбачев* вяло возражал: – «Не паникуй... У соглашения нет юридической основы... Прилетят, мы соберемся в Ново-Огарево. К Новому году будет Союзный договор!».

А. Руцкой (воспоминания): – Я не знал, что кроме развала экономики, Ельцин и его команда готовили заговор против СССР. Подготовительная операция проходила втайне, под руководством все того же Бурбулиса. 7 декабря 1991 года по установленному протоколу я провожал Ельцина и сопровождающих его персон: Бурбулиса, Шахрая, Полторанина, Козырева в Минск. На вопрос, с какой целью направляется столь высокого уровня делегация, мне ответили: для подпи-

сания договора о дружбе и сотрудничестве между Россией и Белоруссией.

Проводив президента (а было уже где-то 19 часов), я уехал на дачу. На душе было беспокойно: какой договор, какая дружба? Ответ на свой вопрос я получил во второй половине следующего дня, когда средства массовой информации сообщили, что в Вискулях, в Беловежской Пуще на границе Польши и Белоруссии, подписано соглашение о «прекращении существования» Советского Союза и о создании Содружества Независимых Государств.

Узнав о случившемся, я стал звонить Горбачеву. После неоднократных попыток меня с ним все же соединили, и я попросил о встрече. Горбачев сказал, что я могу приехать к нему через час. Михаил Сергеевич был на удивление спокоен. Я спросил у него, знал ли он о цели визита Ельцина в Минск и о заговоре по уничтожению Советского Союза. На вопрос он ответил уклончиво, вроде: «Не знал, но догадывался, что Ельцин, вернее Бурбулис, что-то задумал».

Ответ мой заключался в том, что это – преступление, государственный переворот. Видимо, ему не понравилась моя оценка и когда я ему предложил проявить решительность, используя закон и власть, арестовать эту пьяную троицу, подписавшую в угоду США позорный сговор, от таких слов он даже побелел. Засуетившись, попрощался со мной и попросил не горячиться, сказал, что не все так страшно, как мне кажется, положение дел можно спасти...

О том, как Горбачев «спасал» СССР говорит еще один эпизод, рассказанный А. Грачевым. Телефонный звонок Президента СССР застал его в машине по дороге с дачи в Москву. Поняв, что звонит Горбачев, А. Грачев попросил водителя свернуть к обочине, чтобы спокойно переговорить.

– Андрей! – Горбачев явно сильно возбужден. – Когда по ЦТ пойдет мое интервью для украинцев?

А. Грачев: – По моим сведениям, вскоре после программы «Время».

М. Горбачев: – Ты уверен? Ничего не изменилось? Показ не отменен? Узнай, когда точно начнется передача, будет ли интервью передано полностью? Жду звонка.

Грачев из машины связался с телевидением и узнал, что передавать интервью планируют после 23 часов.

– Это слишком поздно, – раздраженно отреагировал Горбачев, когда Грачев перезвонил ему. – Завтра рабочий день, люди рано лягут спать, а ведь важно, чтобы они успели увидеть интервью до того, как узнают про результаты встречи в Минске.

Очевидно, что Горбачев уже знал эти результаты и в тот морозный воскресный вечер не находил себе места. С помощью интервью он хотел немедленно ответить своим соперникам, повлиять на их решение. Горбачев надеялся: если передать интервью на час раньше, будет еще не поздно...

Самое поразительное то, что Горбачев, достаточно опытный и искушенный политик, по-видимому искренне полагал, что ничего страшного не произошло: ну, подумаешь, подписали там какое-то соглашение, чего не бывает. Судя по всему, он рассчитывал, что продолжатся дискуссии в Ново-Огарево, в очередной раз разошлют для обсуждения очередную редакцию Союзного договора... Глава упраздненного государства, свергнутый со своей должности, рассуждал и действовал как человек, которому есть куда отступить...

Москва, 9 декабря 1991 года

Ранним утром девятого декабря 1991 года Вадим Медведев, советник Президента СССР, позвонил Горбачеву в машину. Как человек наиболее приближенный к Горбачеву он знал, что время следования в пути – самое удобное для того, чтобы связаться с ним по телефону:

– Михаил Сергеевич, – поздоровавшись, обеспокоенно спросил Медведев, – не нужно ли подготовить к заседанию Госсовета еще что-нибудь дополнительно?

Накануне, в воскресенье, Горбачев позвонил Медведеву на дачу и потребовал ускорить работу над материалом, в котором речь шла о необходимости и важности сохранения Союза, развивалась и шлифовалась аргументация о пагубности его распада.

Но на этот раз Горбачев не проявил к теме интереса: – Теперь уже не аргументы нужны, а кое-что другое. – раздраженно ответил он из машины и бросил трубку.

А. Грачев (воспоминания): – Сразу после приезда президента в Кремль я вошел к нему в кабинет. Он полностью владел собой, был мобилизован и бодр. Горбачев ждал намеченную на 12 часов встречу с Ельциным и уже прилетевшим в Москву Назарбаевым. Мы обменялись мнениями по поводу произошедшего в Беловежской Пуще. Горбачев настаивал

тельно сказал мне:

– Пусть объяснят это всей стране, миру и мне. Я уже говорил с Назарбаевым – тот возмущен и тоже ждет объяснений от Ельцина. Должен прибыть к 12 часам, как и было условлено.

– А как Ельцин? – поинтересовался я.

– Обещал прийти, но потом перезвонил и сказал, что опасается за свою безопасность. Боится, что его здесь арестуют. Я ему: «Ты что, с ума сошел?» А он: «Может, не я, а кто-то еще». В общем, кажется, я его убедил, и он сейчас будет...

Но спокойствие и уверенность Горбачева были скорее наигранными, показными. Параллельно руководитель аппарата союзного президента Г. Ревенко лихорадочно пытался вызвать в Кремль других участников беловежской встречи.

В районе десяти утра телефонный звонок из Кремля поднял с постели еще не отошедшего как следует от проводов гостей минского председателя Верховного Совета. Шушкевич спросонья долго и путано объяснял, почему он не в Москве, как договорились, но приехать в конечном итоге отказался:

– Я должен все осмыслить... Отоспаться... Все произошло так неожиданно...

Узнав от Ревенко, что Кравчук и Шушкевич не придут и разговаривать придется с одним Ельциным, Горбачев понял, что этот раунд он проиграл. Даже если ему удастся, как

уже бывало, заговорить Ельцина, поколебать его позицию, согласованное решение «трех» останется в силе...

По кремлевскому коридору в сопровождении верного Коржакова уверенно шагает российский президент... Такого в древних стенах Кремля не было никогда. Традиционно здесь всегда был один хозяин. Он мог конфликтовать с кем угодно, даже вести боевые действия против бунтовщиков, но сопернику вход в Кремль был заказан.

В декабре девяносто первого в Кремле было два хозяина. Над куполами древнего обиталища русских царей реяло два государственных флага. Вход на третий этаж здания, где размещался кабинет Горбачева, прикрывала верная ему союзная охрана, но въезд на территорию Кремля контролировала служба безопасности российского президента.

Министерства и целые отрасли указами Ельцина к тому времени уже были переведены под российскую юрисдикцию. Армия в лице министра обороны Шапошникова, несмотря на то, что перед ее высшим командованием выступали оба президента, держала равнение на Ельцина. В декабре 1991 года «полновластный» Президент СССР не контролировал даже обнесенную кремлевскими стенами вершину Боровицкого холма...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.